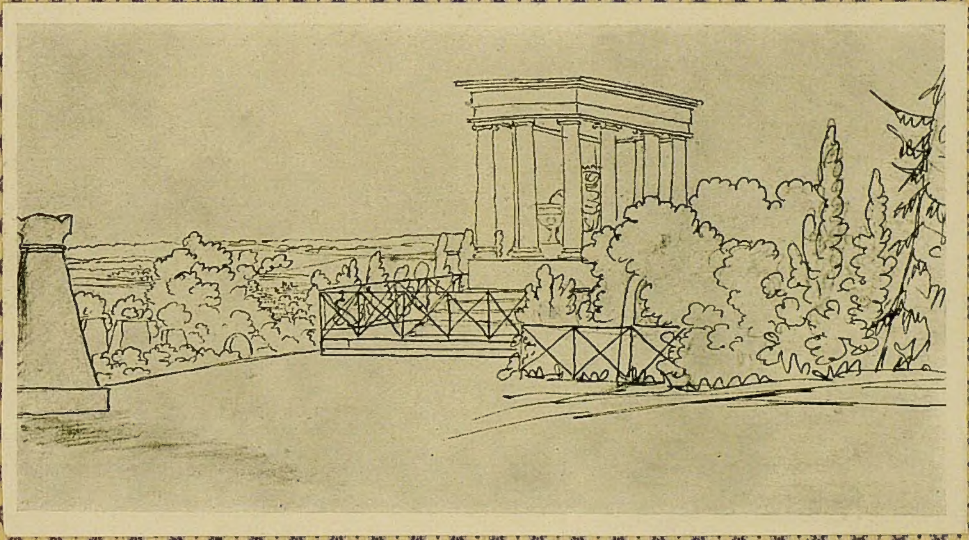
ПОЭТЪ И КОРОЛЬ
ИЛИ
ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ



АЛЕКСАНДРЪ ѲОМИНЪ.

PA 668

1

1994 г.

10230

Ра 668

РЭ
Ф-762

6406

А. А. ѲОМИНЪ.

ПОЭТЪ И КОРОЛЬ
или
ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ.

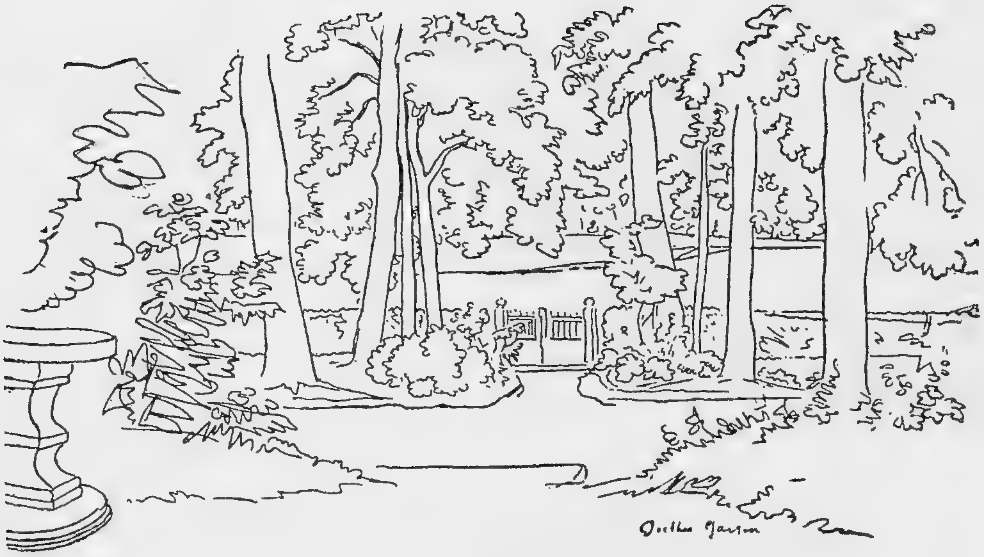
ПЕРЕПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО СЪ КОРОЛЕМЪ ПРУССКИМЪ ФРИДРИХОМЪ-ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1913 г.

ТИПОГРАФІЯ «СИРІУСЪ» СПБ. РЫНОЧНАЯ УЛ., 10.

Frédéric Guillaume

В. А. Жуковскій, рисунокъ карандашемъ и тушью С. Ф. Дица, изъ собранія Королевской Національной Галереи, въ Берлинѣ.



Рисунокъ В. А. Жуковскаго изъ альбома № 3 (1826 — 27 г.г.) «Goethes Garten».

ПОЭТЪ И КОРОЛЬ

ИЛИ

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ.

Переписка В. А. Жуковскаго съ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV.

1822 — 1852 г.г.

Посвящается памяти Павла Васильевича Жуковскаго.

I.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ Москвѣ, въ архивѣ недавно скончавшагося [1]) Павла Васильевича Жуковскаго, мнѣ пришлось увидать, среди другихъ цѣнныхъ бумагъ его отца Василія Андреевича, пять писемъ къ нему прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV.

---

[1]) 13 августа 1912 года, въ Веймарѣ и похороненнаго въ Баденъ-Баденѣ, въ могилѣ, въ которой, въ 1852 году, былъ похороненъ его отецъ. П. В. Жуковскій родился 1-го янв. 1840 г. Художникъ-диллетантъ и другъ Вагнера, онъ былъ его сотрудникомъ по постановкѣ оперъ. П. В. былъ однимъ изъ авторовъ и строителей памятника Императору Александру II въ Москвѣ.

Павелъ Васильевичъ тогда-же предоставилъ ихъ въ мое распоряженіе для напечатанія.

Въ виду того, что опубликованіе однихъ только писемъ прусскаго короля — безъ писемъ В. А. Жуковскаго — представило бы значительно меньшій интересъ, чѣмъ изданіе всей переписки полностью, я рѣшилъ попытать счастья — поискать писемъ самаго Жуковскаго къ Фридриху-Вильгельму IV.

Лѣтомъ 1903 года, послѣ безплодныхъ поисковъ въ Берлинѣ, я, все-таки, напалъ тамъ-же на слѣды интересовавшихъ меня матеріаловъ и, наконецъ, нашелъ ихъ въ Шарлоттенбургѣ, въ личной библіотекѣ Его Величества Германскаго Императора.

Писемъ В. А. Жуковскаго къ Фридриху-Вильгельму IV оказалось тамъ пятнадцать.

Я имѣлъ возможность близко съ ними познакомиться и получилъ разрѣшеніе на ихъ напечатаніе, что и предполагалъ сдѣлать въ 1906 году [1]).

По разнымъ причинамъ тогда мнѣ не удавалось напечатать эту переписку и только въ 1907 году, въ силу необходимости, пришлось дать краткія свѣдѣнія обо всемъ вышеизложенномъ и, съ вѣдома Павла Васильевича Жуковскаго, помѣстить одно изъ принадлежавшихъ ему писемъ въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Жуковскаго къ Императору Николаю I и къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, изданнымъ Императорской Академіей Наукъ [2]).

Тамъ-же я помѣстилъ часть одного письма В. А. Жуковскаго къ Фридриху-Вильгельму IV — изъ числа писемъ, найденныхъ мною въ Шарлоттенбургѣ [3]).

Въ настоящее время могу предложить вниманію читателей всю эту переписку полностью [4]).

Она представляетъ большую общую историческую цѣнность, съ одной стороны, по заключающемуся въ ней фактическому матеріалу, съ другой стороны, какъ интересное дополненіе къ характеристикѣ нашего поэта въ его широкихъ дружескихъ отношеніяхъ, вообще, и, въ частности, съ сильными міра сего.

---

[1]) См. мою ст. въ „Русской Мысли" 1906 г., кн. IV, стр. 2.

[2]) См. Сборникъ Академіи Наукъ: „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя". С.-Петербургъ. 1907 г. Выпускъ I, стр. 127 и 128.

[3]) Ibid., см. стр. 128.

[4]) Считаю необходимымъ добавить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти пять писемъ Фридриха-Вильгельма IV, изъ собранія Павла Васильевича Жуковскаго, были отправлены мною ему обратно въ Веймаръ, гдѣ онъ проводилъ послѣдніе годы своей жизни.

Жуковскій былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей почти религіознаго культа „дружества“, овладѣвшаго умами и чувствами русской интеллигенціи въ концѣ XVIII вѣка и процвѣтавшаго [1]) въ началѣ XIX вѣка особенно ярко въ средѣ кружка молодыхъ Тургеневыхъ, ихъ сверстниковъ, друзей и товарищей.

В. А. Жуковскій больше и дольше всѣхъ другихъ на практикѣ доказалъ возможность осуществленія этой идеи: онъ былъ связанъ тѣсными узами дружбы и съ молодымъ пылкимъ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, и съ разсудительнымъ братомъ его, Николаемъ Ивановичемъ, съ геніальнымъ Пушкинымъ и съ измѣнившимъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ графомъ Блудовымъ, съ цѣлымъ рядомъ нѣжныхъ женскихъ характеровъ, и съ такимъ рѣзко очерченнымъ характеромъ, каковъ былъ Императоръ Николай Павловичъ.

Дружба Жуковскаго во всѣхъ этихъ случаяхъ была вполнѣ искренней и какими-то — теперь, положительно, непонятными — чарами ея онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ близко знавшихъ его, начиная со своихъ школьныхъ товарищей и кончая своими царственными друзьями.

Большой интересъ представляетъ также эта переписка въ томъ отношеніи, что она кладетъ нѣсколько яркихъ бликовъ на незаурядную личность другого корреспондента — прусскаго короля.

Дѣйствительно, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, по складу своего характера, былъ не менѣе Жуковскаго способенъ на искреннія дружескія отношенія.

Прекрасно образованный, получившій разностороннее развитіе, воспитанный подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей выдающейся матери — извѣстной королевы Луизы, Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ своеобразнымъ и рѣдкимъ монархомъ. У него на первомъ планѣ, какъ въ жизни, такъ и въ государственной дѣятельности, всегда были интересы религіи, наукъ и искусствъ, а все остальное отходило на второй планъ.

Даже революція 1848 года не научила его въ этомъ отношеніи ничему и только довела его до болѣе чѣмъ безразличнаго отношенія къ вопросамъ государственнаго правленія. Понятно,

---

[1]) См. А. Н. Веселовскаго: „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“. С.-Петербургъ, 1904 г.; статью В. М. Истрина въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1910 г., книга 8, отдѣлъ 11, стр. 273: „Дружеское литературное общество 1901 г.“; мою статью въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1912 г. объ Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ и Андреѣ Сергѣевичѣ Кайсаровѣ и др.

В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ. Рис. и грав. акват. Bouchardy.

что такой государь, который искалъ сближенія съ выдающимися учеными, художниками, писателями, ко двору котораго были близки такія силы, какъ Шлегель, Шеллингъ, Тикъ, Рюкертъ, Мендельсонъ и другіе, такой государь могъ, дѣйствительно, питать самую искреннюю привязанность и къ нашему поэту.

Знакомство ихъ состоялось въ 1820 году, а расцвѣла ихъ дружба при совершенно исключительной и въ высшей степени поэтичной обстановкѣ [1]).

Это были „времена Лаллы Рукъ“ [2]), какъ называетъ самъ Жуковскій свое пребываніе въ Берлинѣ, въ 1821 году, въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [3]).

Впечатлѣнія, испытанныя Жуковскимъ въ это счастливое для него время, не могли изгладиться въ его душѣ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ.

И уже старикомъ, въ 1840 году, онъ съ юношескимъ пыломъ вспоминаетъ объ этомъ періодѣ, о всѣхъ лицахъ и событіяхъ съ нимъ связанныхъ [4]).

„Und manche liebe Schatten standen auf“ — повторяетъ Жуковскій свой любимый стихъ изъ Гёте, вспоминая эту эпоху. И, подводя итоги понесеннымъ имъ къ этому времени потерямъ въ средѣ тѣхъ лицъ, которыя тогда еще были живы, Василій Андреевичъ излагаетъ свое credo, формулируя его въ этомъ письмѣ болѣе искренно и подробно, чѣмъ онъ это дѣлалъ вообще неоднократно:

„Очнувшись отъ этого видѣнія, мнѣ показалось, что другой міръ поднялся около меня; онъ мнѣ не чуждъ и я ему не чужой, но онъ, какъ-будто, не имѣетъ будущаго; глаза болѣе оборачиваются назадъ; а то, что впереди, какъ будто, стоитъ за границею жизни, какъ будто, задернуто занавѣсомъ“.

„Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ; напротивъ, верховная правда жизни; но

---

1) Интересна запись Жуковскаго въ его дневникѣ подъ 15 января 1821 г. „Несравненный праздникъ“. И только! Этимъ однимъ словомъ онъ опредѣлилъ цѣнность празднествъ, которыя помимо ихъ художественнаго значенія, остались памятны на всю его жизнь по тѣмъ дружественнымъ связямъ, здѣсь тогда завязаннымъ, которыя создали одну изъ интереснѣйшихъ эпохъ въ его жизни.

2) См. описаніе берлинскихъ празднествъ этого года у Гримма въ его монографіи „Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland“. Лейпцигъ, 1866 г., томъ I, стр. 143 — 146.

3) См. письмо № 12 — 8 августа 1840 года, напечатанное мною въ академическомъ сборникѣ „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя“, выпускъ I стр. 70.

4) См. тамъ-же — письмо къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ № 8 — 1, 13 Мая 1840 года. Сборникъ „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя“, стр. 50.

въ первыя свѣжія лѣта она сливается со всѣмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится, съ одной стороны, воспоминаніемъ, съ другой — вѣрою; въ промежуткѣ же между этими двумя образами опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки. Хотя прежней картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно прошедшее, ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ другому разряду“ [1]).

Если бы въ этихъ словахъ Жуковскаго къ его опредѣленію слова „поэзія“ прибавить еще одно словечко: „жизнь“, то его формула выразила бы сущность его взгляда на всю его жизнь, до того онъ былъ способенъ поэтизировать дѣйствительность, ея прошлое, и, особенно, свои отношенія къ многочисленнымъ друзьямъ.

Вчитываясь въ его переписку съ друзьями — будетъ ли то двадцатилѣтняя переписка съ прусскимъ королемъ, будетъ ли это тянувшаяся на протяженіи тридцати лѣтъ переписка съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной или болѣе чѣмъ полувѣковая переписка съ братьями Тургеневыми, Жуковскій въ этихъ своихъ отношеніяхъ къ корреспондентамъ - друзьямъ остается все тѣмъ же искреннимъ, преданнымъ, внимательнымъ [2]), отзывчивымъ и вѣрнымъ культу „дружества“ въ его прошломъ и настоящемъ, и, пожалуй, въ особенности — въ его болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ.

Нельзя не отмѣтить еще и удивительнаго постоянства Жуковскаго въ этомъ отношеніи.

---

[1]) См. тамъ-же, стр. 51.

[2]) Прекраснымъ образцомъ такого отношенія Жуковскаго къ своимъ друзьямъ можетъ служить слѣдующій, выяснившійся только теперь, недавно, фактъ: въ 1837 году во время своего путешествія по Россіи съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, Жуковскому пришлось проѣзжать черезъ Симбирскъ.

Съ Симбирскомъ связаны были родственныя воспоминанія его старинныхъ друзей, Тургеневыхъ. Тамъ было ихъ родовое имѣніе, тамъ нѣкоторые изъ нихъ родились, тамъ прошли годы ихъ дѣтства.

Двоихъ изъ нихъ (Андрея и Сергѣя) въ это время уже не было въ живыхъ; изъ остальныхъ двухъ — одинъ, Николай Ивановичъ, жилъ изгнанникомъ внѣ предѣловъ Россіи, не имѣя права вернуться въ нее и лишенный возможности видѣть родныя картины.

Жуковскій это чувствуетъ, зарисовываетъ спеціально для своихъ друзей видъ Симбирска и посылаетъ его изгнаннику.

Николая Ивановича Тургенева съ его холоднымъ, разсудительнымъ и систематическимъ умомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ склонности къ нѣжностямъ сентиментализма, но и онъ никогда не разставался съ этимъ подаркомъ поэта: видъ Симбирска всегда висѣлъ передъ его письменнымъ столомъ.

Теперь эта работа Жуковскаго, оконченная сепіею художникомъ Клара, вывезена мною изъ Парижа и поступила въ Имп. Академію Наукъ, гдѣ современемъ займетъ соотвѣтствующее мѣсто въ музеѣ семьи Тургеневыхъ.

Здѣсь прилагается снимокъ съ этого вида Симбирска.

Мѣнялись обстоятельства, положеніе людей, характеры, взгляды, его собственныя убѣжденія, а поэзія „дружества“, какъ-будто, шла своей собственной, разъ опредѣлившейся дорогой, независимо отъ всего окружающаго и не поддаваясь вліянію никакихъ жизненныхъ перемѣнъ.

А въ послѣдніе годы его жизни всѣ проявленія дружбы еще въ большей степени окутывались въ дымку романтизма, законодателемъ котораго онъ былъ у насъ въ годы своей юности, и оттѣнокъ мягкой грусти налагалъ свои чарующія тѣни на жизненную поэзію дружества.

Начало дружественныхъ отношеній В. А. Жуковскаго къ Фридриху-Вильгельму, тогда (въ 1821 году) еще наслѣднику прусскаго престола, характеризуется собственными словами Жуковскаго въ его письмѣ изъ Берлина 26 ноября — 8 декабря 1821 года къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая была родной сестрой Фридриха-Вильгельма.

Сообщая о своей болѣзни, задержавшей его въ Берлинѣ, онъ пишетъ:

„Не могу изъяснить Вашему Высочеству моей благодарности къ Его Высочеству кронпринцу [1]): онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность, за которую плачу ему сердечною привязанностью. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать, въ его маленькомъ обществѣ, и провелъ вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у m-lle Wildermeth [2]). Въ оба раза читали клейстову [3]) трагедію der Prinz von Homburg. Было много спору и смѣху“.

Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ Жуковскому, очевидно, тѣмъ-же и той-же полной мѣрой.

Интересно отмѣтить нѣкоторые эпизоды изъ ихъ взаимоотношеній, дошедшіе до насъ.

Напримѣръ, Фридрихъ-Вильгельмъ даритъ Жуковскому альбомъ съ собственноручной надписью: „Meinem lieben Joukowsky zum Andenken vom Freundes Hand“. Какъ отнесся къ этому подарку Жуковскій, мы узнаемъ изъ его же надписи на этомъ альбомѣ, когда онъ, въ свою очередь, приноситъ его въ даръ, какъ особенно дорогое для него сокровище, другому царствен-

---

[1]) Т. е. Фридриху-Вильгельму.

[2]) Воспитательница и другъ великой княгини Александры Ѳеодоровны. См. подробнѣе о ней въ названномъ выше сборникѣ Академіи Наукъ „Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго“. Вып. I, стр. 117, примѣчаніе 14.

[3]) Драматургъ Г. Клейстъ (р. въ 1777 г., ум. въ 1811 г.) Названная трагедія — одна изъ его лучшихъ патріотическихъ пьесъ.

ному другу своему, на этотъ разъ молодому — наслѣднику русскаго престола, великому князю Александру Николаевичу.

Жуковскій называетъ этотъ болѣе чѣмъ скромный подарокъ Фридриха-Вильгельма — „особенно драгоцѣннымъ“ [1]).

Въ одномъ [2]) изъ позднѣйшихъ писемъ къ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ Жуковскій напоминаетъ Императрицѣ о другомъ маленькомъ эпизодѣ, связанномъ съименемъ Фридриха-Вильгельма.

Это уже изъ области литературныхъ взаимоотношеній.

„Oui jamais, dans le courant de ma vie, je n'ai rencontré personne, qui put se comparer à vous dans les moments où l'on vous trouve telle que vous êtes, ou vous vous donnez au coeur qui s'ouvre pour vous recevoir, telle, que Dieu vous a créé, telle que vous êtes toujours en Sa présence et telle que vous serez à jamais sans avoir la possibilité de changer. J'ouvre dans ce moment le petit album, que vous m'avez donné jadis à votre départ de Berlin pour Ems et j'y trouve entre autres ces vers ecrits de la main du Prince Royal:

Beseeligend war ihre Nähe,
Und alle Herzen wurden weit;
Sie brachte Blumen mit und Früchte
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer glücklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunsche meines theuren Schukowsky.

F. W.“ [3]).

Картина дѣлается, слѣдовательно, еще болѣе ясной.

Дружескія взаимоотношенія между нашими корреспондентами создавались и развивались, несомнѣнно, подъ непосред-

---

[1]) См. объ этомъ въ моей статьѣ въ „Русской Старинѣ 1902“, апр. стр. 167.

[2]) См. Сб. „Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, Вып. I, письмо № 12, 8 августа 1840 года.

[3]) „Да, никогда еще, въ теченіи всей моей жизни, я не встрѣчалъ никого, кто могъ бы сравняться съ Вами въ тѣ минуты, когда видишь Васъ такою, каковы Вы на самомъ дѣлѣ, когда Вы отдаетесь сердцу, открывающемуся для воспріятія Васъ, такою, какою создалъ Васъ Господь, какой Вы всегда бываете предъ Нимъ и какой останетесь навсегда, не будучи въ состояніи измѣниться. — Въ эту минуту я открываю маленькій альбомъ, который Вы дали мнѣ при отъѣздѣ Вашемъ изъ Берлина въ Эмсъ, и, между прочимъ, нахожу въ немъ стихи, написанные рукою кронпринца.

„Присутствіе ея дѣлало счастливымъ,
Всѣ сердца раскрывались передъ ней,
Она несла съ собою цвѣты и плоды,
Созрѣвшіе на иной нивѣ,
Въ лучахъ иного солнца,
Среди счастливой природы.

28-го мая 1821 г. по желанію моего дорогого Жуковскаго. Ф. В.

Видъ Симбирска 1837 г., рисунокъ сепіей В. А. Жуковскаго и Клары.
Изъ Архива П. Н. Тургенева. (Собств. Имп. Академіи Наукъ).

ственнымъ вліяніемъ ихъ общей симпатіи къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Для Фридриха-Вильгельма она была болѣе, чѣмъ горячо любимая сестра, для Жуковскаго же это была сначала очаровательная ученица, а потомъ такой другъ, предъ которымъ онъ всю свою жизнь преклонялся, какъ передъ ангеломъ хранителемъ [1]).

Эти отношенія сначала быстро росли и укрѣплялись, благодаря спорамъ и смѣху по поводу чтеній въ ихъ интимномъ кружкѣ и благодаря репетиціямъ придворныхъ празднествъ, затѣмъ поэтизировались взаимнымъ обмѣномъ художественно-литературными бездѣлками и, въ концѣ концовъ, кристаллизировались въ дружескій союзъ чистѣйшей воды.

Такимъ образомъ, переписка Жуковскаго съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV пріобрѣтаетъ еще большій интересъ, представляя изъ себя, какъ цѣнный біографическій матеріалъ, непосредственное дополненіе къ перепискѣ Жуковскаго съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной.

Всего въ эту переписку входитъ двадцать писемъ: тринадцать написано В. А. Жуковскимъ, шесть — Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и одно — Сидовымъ. Два изъ нихъ написаны на нѣмецкомъ языкѣ, а остальныя на французскомъ.

Первое письмо въ этой перепискѣ принадлежитъ Жуковскому и относится къ 1 іюля 1822 года.

Затѣмъ слѣдуетъ непонятный перерывъ въ восемнадцать лѣтъ, — до іюня 1840 года.

Нужно думать, что переписка за это время или не сохранилась, или попала въ какое-нибудь другое мѣсто и, можетъ быть, еще со временемъ найдется [2]).

Далѣе, съ 1840 года, переписка дѣлается регулярной, письма корреспондентовъ чередуются, Жуковскій пишетъ послѣднимъ 1 — 13 февраля 1852 г. — всего за два мѣсяца до своей смерти, послѣдовавшей 12 апрѣля 1852 г.

Первое письмо Фридриха Вильгельма относится къ іюлю 1840 года, послѣднее — къ январю 1851 года.

---

[1]) См. сборн.: „Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго“.

[2]) Какъ это было, напримѣръ, съ перепиской того же В. А. Жуковскаго съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, которая появлялась въ печати въ нѣсколько пріемовъ, по мѣрѣ нахожденія той или другой части ея. См. полный перечень писемъ, вошедшихъ въ нее, въ сборникѣ „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя“ стр. 131.

Типичныя для начала XIX вѣка особенности ороографіи французскаго текста, — отсутствіе удареній, окончанія будущаго времени, „tems“ вмѣсто „temps“ и нѣкоторыя другія — не сохранены.

Александръ Ѳоминъ.

1822 годъ.

№ 1.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

4/10 Іюля 1822.

Monseigneur!

J'ai l'honneur d'envoyer à Votre Altesse Royale la copie des notes que Vous avez désiré avoir. Votre Altesse ne l'a pas reçue jusqu'à présent par ce que j'avais l'intention de l'envoyer avec le paquet de dessins [1]), que Votre Altesse m'à permis de lui offrir. Madame la Grande Duchesse [2]) m'a dit dernièrement, que vous desirez avoir cette copie et je vois à présent que mon parce-que n'a pas le sens commun: les notes auraient pu être envoyées trés bien séparement et ne pas attendre que les dessins parussent au monde, d'autant plus, que ces dessins vont devenir gravures au trait, dédiés par moi à Votre Altesse Royale, mon premier et, probablement, mon unique essai en ce genre. Ce travail certainement n'aura aucun mérite par lui même, mais il a un grand intérêt pour moi, car il est entrepris pour Votre Altesse Royale et mon coeur est toujours fortement de la partie lorsqu'il s'agit de votre chère personne.

Entre les images qui embellissent le tableau mouvent de ma vie, la votre est une des plus chères; j'aime à y revenir et elle dit toujours quelque chose de bon à mon coeur. Mon séjour à Berlin [3]) est un délicieux épisode dans mon passé; j'ai vu à la cour du Roi de Prusse quelque chose, qui se rencontre si rarement partout ailleur: Bonheur domestique dans sa pureté partiarchale, uni à toute la dignité Royale mais sans aucune ostentation vaine! Le respectable caractère du père [4]), les caractères si aimables, si francs, si humains, quoique tous différents, des enfants [5]), et vous particulièrement, dont le souvenir me rechauffe toujours l'âme — tout cela forme un ensemble si harmonieux, si serein! Mon séjour à Berlin a encore un autre côté bien précieux pour moi: il m'a fait faire connaissance avec le passé de notre adorable grande Duchesse. J'ai vu, et j'ai vu avec elle, les endroits où elle a été heureuse comme enfant. Elle est aussi parfaitement heureuse chez nous: sa famille l'aime et l'apprécie. Mais ce bonheur est d'un autre genre: il est plus grave, que celui dont elle a joui dans sa première patrie. Les joies plus profondes d'épouse et de mère ont remplacé les joies insouciantes et variées du passé; mais elle a devant soi une autre elle-même, qui lui répète son bonheur d'autrefois. Vous ne connaissez, monseigneur, que son fils [6]). Si vous aviez vu la petite Marie [7]), vous vous retrouveriez près du berceau de votre soeur: c'est elle! Expression du visage, vivacité, même, je

В. А. Жуковскій. Съ акварели Е. Рейтерна.

crois, ce caractère — tout est là! Cet enfant est un vrai ange et on aime à lui donner ce nom. On aime aussi à le donner à sa mère. C'est un bonheur bienfaisant que de connaître l'âme de notre chère grande Duchesse. Une de mes parentes, qui n'a pas l'avantage de l'approcher mais qui l'a vue quelquefois, a dit de l'impression qu'elle produit, un mot bien vrai et bien caractéristique: Sa vue agit sur l'âme de la même manière, qu'un beau jour de printemps; on ne sait ni quoi, ni comment, mais on se sent bien. C'est vrai à la lettre. Ce n'est ni par ce qu'elle dit, ni par ce qu'elle fait qu'elle vous charme, mais uniquement par ce qu'elle est là! Que la providence conserve toujours sa sereinité à ce beau jour de printemps!.. Mais vous, monseigneur, viendrez vous nous rejouir par votre présence? Quand aurons nous ce bonheur? Vous m'en avez donné vous même l'espérance! Qu'il nous sera doux de vous revoir. Quant à moi, le retour à Berlin est un de mes rêves chéris: je pense à Berlin avec reconnaissance et même avec Heimweh. J'y ai laissé des amis, que je cherirai toute ma vie. Particulièrement les Kleist [8]). Peut-on être plus chez soi, que moi chez eux? Et comme je pense avec attendrissement à cette soirée [9]), à ce cercle où je vous ai dit pour la dernière fois mon adieu, en confiant du fond de l'âme à la providence votre avenir qui est une si belle, si grande espérance. Je le fais de même dans ce moment, de loin, en joignant aux voeux, que je forme pour vous, ceux que je forme pour notre angélique grande Duchesse; ces voeux se reunissent si naturellement! Soyez heureux, Monseigneur! Ce mot si simple devient quelque chose de respectable, de grand, lorsqu'il s'adresse à vous et à elle! Qu'il s'accomplisse dans toute son étendue. Daignez me conserver une place dans votre précieux souvenir. Et moi jusqu'au tombeau je conserverai cet attachement de coeur et de devouement sans bornes avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monseigneur, de Votre Altesse Royale le très humble et le très obéissant serviteur.

Joukoffsky.

Le 4/10 Juillet 1822.
Pawlovsk.

№ 1.

Переводъ.

Имѣю честь препроводить Вашему Королевскому Высочеству копію замѣтокъ, которыя Вы пожелали имѣть. Ваше Высочество не получили ихъ до сихъ поръ потому, что я намѣревался доставить Вамъ эти замѣтки заодно съ пакетомъ рисунковъ [1]), на поднесеніе коихъ Вашему Высочеству я уже получилъ соизволеніе. Ея Высочество Великая Княгиня [2]) при послѣдней нашей встрѣчѣ передала мнѣ, что Вы желаете получить эту копію и я вижу, что теперь мое выраженіе „потому что“ теряетъ, въ данномъ случаѣ, свое обычное значеніе; замѣтки можно было бы отправить отдѣльно, не дожидаясь выхода въ свѣтъ рисунковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе появятся въ видѣ гравюръ, посвящаемыхъ мною Вашему Высочеству — мой первый и, вѣроятно, единственный трудъ въ этой

области. Онъ не представляетъ, самъ по себѣ, никакихъ достоинствъ, но для меня онъ важенъ уже потому, что предпринятъ для Вашего Высочества, а сердце мое всегда грѣшитъ, разъ дѣло касается дорогого для меня лица — Вашего Высочества. Среди образовъ, которые украшаютъ картины моей жизни, Вашъ — одинъ изъ самыхъ для меня милыхъ. Я люблю мысленно къ нему возвращаться, и каждый разъ онъ говоритъ моему сердцу о чемъ нибудь хорошемъ. Мое пребываніе въ Берлинѣ [3]) было восхитительнымъ эпизодомъ въ моемъ прошломъ. При Дворѣ Короля Прусскаго я видѣлъ нѣчто такое, съ чѣмъ въ другомъ мѣстѣ можно встрѣтиться такъ рѣдко: семейное счастье во всей его патріархальной чистотѣ, сохранившее во всей полнотѣ царственное достоинство, но чуждое какого бы то ни было тщеславія. Благородный характеръ отца [4]), любезные, открытые, отзывчивые, но совершенно различные характеры дѣтей [5]) и Вы, въ особенности; воспоминаніе о обо всемъ этомъ согрѣваетъ мою душу, и все вмѣстѣ создаетъ гармоническое и свѣтлое цѣлое. Мои берлинскіе дни цѣнны для меня и по другой причинѣ: я получилъ возможность ближе ознакомиться съ прошлымъ нашей обожаемой Великой Княгини. Я увидѣлъ, и увидѣлъ вмѣстѣ съ ней, мѣста, связанныя съ ея счастливымъ дѣтствомъ. У насъ въ Россіи — Великая Княгиня, любимая и почитаемая своею семьею, наслаждается столь же безоблачнымъ благоденствіемъ. Но это благоденствіе совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ то, которымъ она наслаждалась въ ея первомъ отечествѣ. Болѣе глубокія радости супружества и материнства смѣнили беззаботность и безпечность прошлаго; но теперь передъ Великою Княгинею всегда ея двойникъ, воспроизводящій счастливые дни ея дѣтства. Вы знаете только сына [6]) Великой Княгини, но если бы Вамъ довелось увидѣть крошку Марію [7]), то Вы вообразили-бы себя стоящимъ предъ колыбелью своей сестры и сказали бы: „да, это она". Выраженіе лица, оживленность, даже, думается мнѣ, самый характеръ, — все на лицо. Этотъ ребенокъ настоящій ангелъ, какъ его здѣсь любятъ называть. Такъ же называютъ и его мать.

Познавать душевныя качества нашей дорогой Великой Княгини — положительное счастье. Одна моя родственница, только нѣсколько разъ видѣвшая Великую Княгиню, не входя съ нею въ близкое общеніе, весьма вѣрно и мѣтко опредѣлила свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „Внѣшность ея дѣйствуетъ, какъ ясный весенній день: чувствуешь себя легко, и самъ не даешь себѣ отчета, почему это происходитъ и въ чемъ именно сказывается". Сказано точно отъ перваго до послѣдняго слова. Не только своимъ словомъ, или дѣломъ, а однимъ уже только своимъ присутствіемъ Великая Княгиня чаруетъ васъ. Да сохранитъ навсегда Промыселъ Божій жизнерадостность ея... А вы, Ваше Высочество, не думаете ли порадовать насъ своимъ пріѣздомъ? Когда мы дождемся этого счастья? Вѣдь Вы сами изволили меня этимъ обнадежить. Такъ хотѣлось бы видѣть Васъ! Что же касается меня лично, то мысль о поѣздкѣ въ Берлинъ принадлежитъ къ числу моихъ излюбленныхъ мечтаній. Я вспоминаю Берлинъ съ признательностью и даже какъ бы съ тоской по родинѣ. Тамъ оставилъ я друзей, которыхъ буду нѣжно любить всю жизнь, особенно семейство Клейстъ [8]). Можно ли чувствовать себя болѣе „дома", чѣмъ я себя чувствовалъ у нихъ? Съ какимъ умиленіемъ вспоминаю я подробности того вечера [9]), когда, прощаясь съ Вами, я

въ глубинѣ своей души вручалъ Провидѣнію Вашу судьбу, столь свѣтлую и подающую такія надежды. То же самое дѣлаю я и сейчасъ издалека, присоединяя къ этимъ пожеланіямъ тоже самое и нашему ангелу — Великой Княгинѣ: это такъ естественно. Будьте счастливы, Ваше Высочество. Послѣднее выраженіе, столь обычное, въ моемъ обращеніи къ Вамъ и къ Великой Княгинѣ, пріобрѣтаетъ особый смыслъ и значеніе. Да исполнится это пожеланіе во всей его полнотѣ. Соблаговолите сохранить для меня мѣстечко въ Вашихъ драгоцѣнныхъ воспоминаніяхъ. Я же до гробовой доски пребуду съ сердечнымъ и безграничнымъ уваженіемъ къ Вамъ, съ каковымъ имѣю честь оставаться Вашего Королевскаго Высочества покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

4/10 іюня 1822 г.
Павловскъ.

№ 1.

Примѣчанія.

1. Рѣчь идетъ о рисункахъ самаго В. А. Жуковскаго, вѣроятно, о видахъ Павловска, напечатанныхъ въ 1824 г.

2. Великая Княгиня Александра Өеодоровна, сестра кронпринца, супруга наслѣдника, Великаго Князя Николая Павловича. До супружества — принцесса прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта (род. въ 1798 г., вступила въ супруж. въ 1817 г. ум. въ 1860 г.).

3. Во время празднествъ „Лалла Рукъ" въ 1821 году, въ Берлинѣ.

4. Фридрихъ-Вильгельмъ III, род. въ 1770 г., вступилъ на престолъ въ 1797 г., ум. въ 1840 году.

5. Принцы: Вильгельмъ — потомъ первый Императоръ Германіи (р. 1797 г., ум. въ 1888 г.), Альбрехтъ (р. въ 1809 ум. въ 1872 г.) Карлъ (р. въ 1811 г., ум. въ 1883 г.).

6. Великій Князь Александръ Николаевичъ, родившійся 17 апр. 1818 г., потомъ Императоръ Александръ II.

7. Великая Княгиня Марія Николаевна, родившаяся 6-го августа 1819 г., впослѣдствіи супруга Максимиліана, герцога Лейхтенбергскаго, умерла 9 февраля 1876 г. По возвращеніи въ Россію она была Президентомъ Академіи Художествъ и Предсѣдателемъ „Общества Поощренія Художествъ".

8. M-lle Клейстъ, сестра драматурга Генриха ф.-Клейстъ, автора патріотическихъ драмъ. У нея происходили часто интимныя собранія молодежи изъ числа членовъ королевской семьи и лицъ близкихъ къ нимъ; тутъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, бывалъ и кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и сестра его, Великая Княгиня Александра Өеодоровна со своимъ супругомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, другіе члены королевской семьи и нѣсколько другихъ лицъ.

9. 11-го января 1822 года. См. „Дневники В. А. Жуковскаго", изданные П. А. Бычковымъ. С.П.Б. 1901 г., стр. 176.

1840 годъ.

№ 2 [1]).

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

14 Іюня 1840.

Sire.

De concert avec les coeurs qui vous aiment, je porte au Ciel mes voeux, pour qu'il bénisse votre avenement au trône de votre père [2]). Ce ne

sont pas des félicitations que j'adresse à Votre Majesté, c'est, au contraire, un tribut de douleur que je vous apporte avec tous ceux qui ont eu le bonheur d'approcher et de connaître celui que nous avons perdu, avec sa patrie, dont les malheurs ont été supportés par lui avec tant de dignité et dont la gloire et la puissance ont été reconquises et consolidées par sa perseverante sagesse, avec l'Europe, dont la tranquilité avait en lui un soutien si fidèle, avec tous ses contemporains qui doivent le bénir d'avoir été pour eux le représentant de la sainte justice et le modèle de toutes les vertus privées et publiques dans un siècle où toutes les idées du vrai et du juste ont été ou denaturées par l'egoïsme, ou detruites par les passions, où sa mémoire sera benie: l'Histoire le placera parmi le très petit nombre des souverains sans tache et sans reproche, vrai bienfaiteur de l'humanité, dont la vie, sans être riche en actes éclatants, avait été dans son ensemble un acte continu de justice et d'humanité; une telle vie, si la providence lui accorde une longue durée, uniquement par sa seule influence éclaircit les idées du devoir et en affermit le respect dans les gouvernants et dans les gouvernés, conserve, pour ainsi dire, la santé morale de la nation en épurant l'Athmosphère, qu'elle respire, et lui laisse en héritage après soi une habitude de justice, qui fait la force et la garantie du bien être publique. Telle a été la vie de Frédérik Guillaume III[3]).

L'année 40 si singulièrement prophétique dans les annales prussiennes, ne s'est donc pas dementie. Dans le XVII siècle elle a donné à la Prusse son grand Electeur: il a été la pierre angulaire de sa puissance. Dans le XVIII siècle elle a amené Frédéric le Grand, héritier des forces materielles, rassemblées par la main ferme de son père; il a c h e v a le grand édifice et plaça son royaume parmi les premiers de l'Europe. L'année 1840 ouvre le trône à Frédérik Guillaume IV. L'héritage, qu'il reçoit de son père, ne consiste plus uniquement dans des forces matérielles; c'est l'héritage de 43 années de la plus pure justice, de la plus noble humanité, du plus saint respect de tout ce qui est sacré, de la plus sincère humilité chrétienne, c'est un immence héritage de forces m o r a l e s qui seules assurent la puissance et le bonheur des empires. Quel nom donnera la postérité à Frederik Guillaume IV? On n'a pas le droit d'en prevenir l'arret. Mais ceux qui connaissent son âme, peuvent en quelques manières avoir la seconde vue de son avenir. Ayant passé sa jeunesse au milieu des événements les plus instructifs de l'histoire, ayant pu être juge desinteressé dans la lutte des opinions qui a tant bouleversé notre siècle et continue encore à le remuer, aimant la justice non pas uniquement par persuation et par caractère, mais par ce qu'il est par dessus tout chrétien, bon comme un enfant, vrai dans tout ce qu'il sent, dans tout ce qu'il dit et dans tout ce qu'il fait, à la hauteur des lumières de son temps, croyant au bien malgré le mal qu'il connait, aimant le beau, respectant tout ce qui doit être sacré au coeur de l'homme — ce n'est pas avec une joie ambitieuse qu'il tend la main pour prendre la sainte couronne de son père, c'est avec la résignation d'un Chretien qu'il baisse la tête pour la sainte. Son avenement au trône est un dévouement à la volonté de Dieu qui l'appelle. Et nous tous qui le connaissons, nous élevons à ce Dieu une prière ardente d'accepter avec bonté ce dévouement et de bénir cette âme si penetrée de l'amour du bien, en lui accordant et les moyens de le faire et de longues années pour le consolider. A la prophétie de l'année 40 j'en ajoute une autre plus réelle. L'auguste mère de Votre Majesté, la

reine Louise [4]), de sainte mémoire, dans une de ses lettres, écrite au milieu des épreuves qui ont déchiré son âme, a dit à peu près ces mots [5]): „Si la posterité ne me placera pas parmi les grandes Femmes, au moins en considerant les malheurs de mon temps, elle dira que je les ai accepté avec resignation et les ai supporté avec perseverance. Puisse-t-elle encore ajouter, que j'ai donné la vie à des enfants dignes de meilleurs temps et qui ont sû l'amener“. Ces mots si touchants, prononcés par une martyre, serviront de bénediction pour son fils, alors enfant, maintenant roi, digne de ces meilleurs temps, déjà ammenés par son père, et qu'il saura maintenir en leur imprimant le beau caractère de son âme. Pour que cela s'accomplisse, prions Dieu de lui accorder un règne aussi long, qu'à son grand Ayeul et à son angélique père.

Je dois demander pardon à Votre Majesté pour cette longue lettre. Vous l'adresser dans un pareil moment est un besoin de mon coeur qui vous aime avec un dévouement sans bornes; j'ose croire que Votre Majesté daignera accepter avec sa bonté accoutumée le tribut d'amour et de respect que je dépose à ses pieds avec les voeux les plus ardents pour son bonheur qui sera celui de ses peuples. Je mets ces mêmes sentiments aux pieds de sa Majesté la Reine.

De votre Majesté le très humble et le très devoué serviteur.

Joukovsky.

Dusseldorff
ce 14 Juin 1840.

№ 2 [1]).

Переводъ.

Ваше Величество!

Въ единомысліи съ любящими Васъ сердцами возношу я къ небу пожеланія, да благословитъ оно восшествіе Ваше на престолъ Вашего отца [2]). Не съ поздравленіями обращаюсь я къ Вашему Величеству, а наоборотъ, отдаю дань скорби вмѣстѣ со всѣми тѣми, кто имѣлъ счастье знать близко того, кого мы потеряли. Я присоединяюсь къ горести его родины, всѣ невзгоды которой онъ пережилъ съ такимъ достоинствомъ, вновь отвоевавъ и укрѣпивъ за нею былую славу и мощь своею непоколебимою мудростью. Я раздѣляю тѣ же чувства, которыя испытываетъ Европа, для которой онъ былъ вѣрнымъ хранителемъ общаго спокойствія. Я скорблю, вмѣстѣ со всѣми его современниками, которые должны были благословлять его, какъ представителя святого правосудія и какъ носителя всѣхъ добродѣтелей, свойственныхъ, какъ частному человѣку, такъ и общественному дѣятелю — и это въ такой вѣкъ, когда идеалы истины и справедливости извращаются господствомъ эгоизма и бушующихъ страстей. Память о немъ будетъ благословенна. Исторія начертаетъ его имя среди тѣхъ немногочисленныхъ правителей, безукоризненныхъ и безупречныхъ, истинныхъ благодѣтелей человѣчества, жизнь которыхъ, не будучи богата блестящими подвигами, въ ея цѣломъ, являлась, тѣмъ не менѣе, постояннымъ проявленіемъ справедливости и гуманности. Когда Провидѣнію угодно бываетъ даровать такимъ дѣятелямъ долгую жизнь, то она одна, сама собой, освѣщаетъ идею долга и поселяетъ уваженіе къ по-

слѣднему и въ правителяхъ, и въ подданныхъ, и сохраняетъ, такъ сказать, чистоту народной нравственности, освѣжая атмосферу, которой дышетъ народъ и оставляетъ ему въ наслѣдство привычку къ справедливости, въ которой заключается вся сила и прочность общественнаго благосостоянія. Таковой и была жизнь короля Фридриха-Вильгельма III [3]).

„Сороковой годъ", сыгравшій свою пророческую роль въ анналахъ Пруссіи, не утратилъ и теперь своего значенія. Въ XVII столѣтіи онъ даровалъ Пруссіи Великаго Курфюрста, который былъ краеугольнымъ камнемъ ея могущества. Въ XVIII вѣкѣ тотъ же годъ выдвинулъ Фридриха Великаго, унаслѣдовавшаго скопленныя крѣпкою рукою его отца силы матеріальныя, благодаря чему онъ, закончивъ созиданіе громаднаго государства, могъ дать ему мѣсто въ ряду первостепенныхъ державъ Европы. 1840 годъ предоставляетъ тронъ Фридриху-Вильгельму IV. Наслѣдіе полученное имъ отъ отца состоитъ уже не только изъ однихъ матеріальныхъ силъ; это наслѣдство 43-лѣтняго царствованія высшей справедливости, самой благородной гуманности, глубокаго почтенія ко всему священному, самаго искреннаго христіанскаго смиренія; это громадное наслѣдство силъ духовныхъ, которыя являются единственной опорой могущества и благосостоянія государствъ. Какое имя дастъ потомство Фридриху-Вильгельму? Нельзя, конечно, предрѣшать приговоръ исторіи. Но тѣ, кто знаютъ его душу, могутъ, до извѣстной степени, угадать предстоящее ему будущее. Юность его протекла во время самыхъ поучительныхъ историческихъ событій; онъ былъ безпристрастнымъ судьей въ борьбѣ общественныхъ мнѣній, которыя сильно потрясли нашъ вѣкъ и продолжаютъ еще волновать его. Онъ любитъ справедливость не только по убѣжденію и по своей природѣ, но потому, что онъ прежде всего христіанинъ; добрый, какъ дитя, искренній въ каждомъ своемъ чувствѣ, въ каждомъ своемъ словѣ и въ каждомъ своемъ дѣйствіи, искренній до высоты свѣточа своего времени, убѣжденный въ силѣ добра, несмотря на испытанную имъ силу зла, любящій все прекрасное, преклоняющійся передъ всѣмъ, что должно быть священно въ сердцѣ каждаго человѣка — онъ протягиваетъ руку къ священной коронѣ своего отца не съ радостью честолюбца, но съ покорностью христіанина, который преклоняетъ голову передъ святыней. Его восшествіе на престолъ является актомъ покорности предъ призывающей его Волей Божіей. И всѣ мы, знающіе его, возносимъ къ Богу горячія молитвы о ниспосланіи милости и благословенія за эту покорность волѣ Божіей и за его любовь къ добру, о ниспосланіи ему силъ и долголѣтія для осуществленія его намѣреній. Къ пророчествамъ о значеніи сорокового года я прибавлю еще одно болѣе реальное. Священной памяти Августѣйшая Мать Вашего Величества, Королева Луиза [4]), въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся ко времени тяжелыхъ испытаній, истерзавшихъ ея душу, говоритъ приблизительно слѣдующее [5]): „если будущее поколѣніе не помѣститъ меня въ средѣ великихъ женщинъ, то во всякомъ случаѣ оно, считаясь съ несчастіями моего времени скажетъ, что я принимала всѣ испытанія съ покорностью и переносила ихъ съ твердостью. Оно могло бы еще къ этому прибавить, что я дала жизнь дѣтямъ, которые сами были достойны лучшихъ временъ и которые сумѣютъ создать таковыя".

Эти трогательныя слова страдалицы послужили благословеніемъ ея сыну, тогда ребенку, а теперь королю, достойному этихъ лучшихъ вре-

менъ, созданныхъ уже его отцомъ, временъ которыми онъ также сумѣетъ руководить, благодаря своимъ прекраснымъ душевнымъ качествамъ. Помолимся же о томъ, чтобы, для осуществленія этого, Господь послалъ ему столь же долгое царствованіе, какими были царствованія его дѣда и его блаженной памяти отца.

Я долженъ просить прощенія у Вашего Величества за это длинное посланіе. Написать его вамъ именно теперь заставила моя безграничная преданность и любовь къ Вамъ; смѣю надѣяться, что Ваше Величество примете съ обычной снисходительностью эту дань любви и почтенія, которыя я повергаю къ вашимъ стопамъ съ самыми горячими пожеланіями Вашему Величеству благоденствія, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ благоденствіемъ Вашего народа. Тѣ же самыя чувства я повергаю къ стопамъ Ея Величества Королевы.

Вашего Величества почтительнѣйшій и покорнѣйшій слуга Жуковскій.

№ 2.

Примѣчанія.

1) Объ этомъ письмѣ есть помѣтка въ дневникахъ: „Письмо къ кронпринцу — королю“.

2) Фридрихъ-Вильгельмъ III, скончавшійся въ 1840 году.

3) Сдѣланная Жуковскимъ подробная хвалебная характеристика Короля Фридриха-Вильгельма III далеко не вполнѣ соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности характеру покойнаго и тѣмъ болѣе его заслугамъ, какъ государственнаго дѣятеля. Но эта характеристика отнюдь не можетъ быть объяснена желаніемъ Жуковскаго сказать только что-нибудь пріятное новому Королю. Нѣтъ, это вполнѣ естественное изліяніе вполнѣ искреннихъ чувствъ Жуковскаго основано на дѣйствительныхъ личныхъ достоинствахъ Фридриха-Вильгельма III. Этотъ король былъ человѣкомъ, не глубокаго и, тѣмъ болѣе, не такого государственнаго ума, который могъ бы понимать задачи и нужды государства и идти впередъ, не отставая отъ вопросовъ выдвигаемыхъ временемъ. Но, во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ большой справедливости, человѣкъ, отличавшійся большой любовью ко всѣмъ проявленіямъ нравственности, правды и красоты, и король, остававшійся всегда вѣрнымъ своему долгу, понимавшемуся имъ, можетъ быть, и слишкомъ узко. Нельзя не отмѣтить также его безкорыстія, его серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи, постоянныхъ проявленій его сердечной доброты, и, наконецъ, того, что онъ, несмотря на нѣкоторую слабость его, какъ государя, все-же пользовался большими симпатіями и даже любовью народа.

Нами нарочно подробно отмѣчены всѣ эти черты характера Фридриха-Вильгельма III, чтобы дать возможность точно уяснить, что именно могло вызвать такую характеристику короля, сдѣланную Жуковскимъ въ его письмѣ къ сыну — преемнику покойнаго.

Всѣ вышеотмѣченныя личныя качества Фридриха-Вильгельма III не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на Жуковскаго, который съ юныхъ лѣтъ прочно усвоилъ себѣ идеалъ „добродѣтельнаго“ человѣка, и сохранилъ его въ своей чистотѣ и неприкосновенности до самой смерти.

Характеръ Фридриха-Вильгельма III, какъ человѣка, очень близко подходилъ къ этому идеалу, а до того, что представлялъ изъ себя король, какъ политическій дѣятель, Жуковскому, вообще пассивно относившемуся ко всѣмъ проявленіямъ политической жизни, было мало дѣла. Да и какъ современникъ покойнаго — Жуковскій, при всемъ желаніи, не могъ бы дать вполнѣ безпристрастную характеристику короля, какъ руководителя государства. Кромѣ того, преклоненіе Жуковскаго предъ памятью Фридриха-Вильгельма III находилось, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ того обаянія, которымъ было окружено со стороны всѣхъ современниковъ имя супруги Фридриха-Вильгельма III — извѣстной королевы Луизы, оказывавшей всегда и во всѣхъ отношеніяхъ несомнѣнно самое благотворное вліяніе на своего мужа.

Послѣдующія историческія справки и пожеланія Жуковскаго по адресу новаго короля представляютъ громадный интересъ въ томъ отношеніи, что характери-

зуютъ его личные взгляды на цѣнность историческаго прошлаго, а именно, на задачи, предстоящія, по его мнѣнію, руководителю государства.

Это драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдователя, который займется вопросомъ о вліяніи и роли Жуковскаго, какъ воспитателя будущаго императора Александра II.

4) Королева Луиза (род. въ 1771 г. ум. въ 1810 г), дочь герцога Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго. Она была мужественнымъ сотоварищемъ своего супруга Фридриха-Вильгельма III въ самый тяжелый періодъ (1806 — 1809) его жизни и царствованія, когда прусская королевская семья должна была спасаться бѣгствомъ. Тогда же королева Луиза, которую Наполеонъ считалъ главной виновницей войны, должна была взять на себя тяжелую дипломатическую миссію — просить о смягченіи условій мира у покорителя Европы, жестокосердаго и оклеветавшаго ее, женщину безупречную и выдающуюся по своему уму, высокой нравственности и пониманію государственныхъ задачъ.

5. Эти слова королевы Луизы приведены Жуковскимъ въ его дневникѣ подъ 16 февраля 1821 г.: „Wenn gleich die Nachwelt meinen Namen nicht unter den Namen der berühmten Frauen nennen wird, so wird sie doch, wenn sie die Leiden dieser Zeit erfährt, wissen, was ich durch sie gelitten habe und sie wird sagen: Sie duldete viel und harrte aus im Dulden. Dann wünsche ich nur dass sie zugleich sagen möge: Aber sie gab Kindern das Dasein, welche besserer Zeiten würdich (zu sein) wagen, sie herbeizuführen gestrebt und endlich sie errungen haben". „Дневники В. А. Ж.", стр. 104.

№ 3 [1]).

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

Іюль 1840.

Sans Souci.

Mon cher Joukoffsky! Pour vous donner une marque de mon estime et de ma bienveillance je vous ai conféré la plaque de l'ordre de l'aigle rouge de la seconde classe, ornée de brillants, laquelle je vous fais remettre ci-joint accompagnée de mes souhaits les plus sincères pour la durée de votre félicité.

Sans-souci le... Juillet. 1840.

Votre affectionné

A Monsieur de Joukoffsky, Conseiller d'Etat actuel, Chevalier etc. etc.

№ 3 [1]).

Переводъ.

Дорогой Жуковскій! Въ знакъ Моего къ вамъ уваженія и благосклонности пожаловалъ я Вамъ, украшенную брилліантами, звѣзду ордена Краснаго Орла второй степени, которая, по Моему распоряженію, Вамъ препровождается при семъ, съ самыми искренними пожеланіями продолжительнаго благоденствія.

Преданный Вамъ

Дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Жуковскому.

Санъ-Суси.
— іюля 1840 г.

6406

№ 3.

Примѣчаніе.

1. Это письмо Фридриха-Вильгельма къ Жуковскому, сохранившееся между письмами послѣдняго, безъ точной даты и безъ подписи короля, было, безъ сомнѣнія, наброскомъ оффиціальнаго — обычнаго въ такихъ случаяхъ — письма, сочиненнаго какимъ-нибудь личнымъ секретаремъ короля и приготовленнаго ему для подписи. Дружественныя отношенія съ Жуковскимъ не позволили Фридриху-Вильгельму ограничиться такимъ сухимъ оффиціальнымъ посланіемъ и вмѣсто него было отправлено письмо, помѣщенное здѣсь подъ № 4 (изъ собранія Павла Васильевича Жуковскаго), съ первой до послѣдней строчки написанное самимъ королемъ — письмо, дѣйствительно, вполнѣ дружеское, полное искренной признательности къ нашему поэту.

№ 4.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

25 Іюля 1840.

Cher et excellent ami.

Cette lettre à 2 buts qu'il est fort difficile de traiter de concert. Mais le peu de moments dont je puis disposer me font une loi de mettre dans un même paquet ce qui d'ailleurs va mal ensemble.

D'abord le but de cette lettre est de Vous embrasser de mes deux bras et de Vous remercier du fond de mon coeur, de la lettre sublime en pensées et en styl que Vous m'avez adressé, cher et tendre ami! Ich habe den Brief mit stürzenden Thränen gelesen[1])! Tout Votre noble coeur, toute Votre belle âme y est. De toutes les paroles, qui doivent honorer la mémoire de mon bien aimé et vénéré Père et Roi, que j'ai lu dans ce temps, les Votres sont sans comparaison les plus belles, les plus éloquentes, les plus dignes[2]). Ce sont les paroles d'un vrai poète, c. à d. d'un homme, qui prête l'oreille aux inspirations non de sa digestion (excusez l'expression triviale d'une grande vérité) mais à celles de l'esprit divin.

L'autre but de ma lettre tranche du conventionnel et le poête prophète se fâcherait de droit en se voyant en quelque sorte confondu dans une foule de courtisants, si son coeur ne savait distinguer la main de son ami.

Enfin, cher Joukovsky, je Vous offre l'étoile carrée en diamants de la 2-me classe de l'aigle rouge. D'après les lois de l'ordre, données par le Roi, chaque chevalier doit passer par toutes les zones de l'ordre. Veuillez, cher ami, entrer de bonne grâce dans cette zone de passage.

Ma besogne étant remplie je Vous embrasse encore avec le doux espoir que je Vous reverrai souvent et que Vous ne rougirez jamais de l'amitié, que Vous m'avez voué!

Vale.

Frédéric Guillaume.

Sans-Souci.
Ce 25 Juillet 1840.

№ 4.

Переводъ.

Дорогой и милый другъ.

Мое письмо преслѣдуетъ двѣ, крайне трудно согласуемыя между собою, цѣли. Но малое количество находящагося въ моемъ распоряженіи

времени заставляетъ меня переслать Вамъ вмѣстѣ въ одномъ пакетѣ то, что, правда, плохо вяжется одно съ другимъ.

Во-первыхъ, мой дорогой и сердечный другъ, я хочу обнять Васъ обѣими руками и отъ глубины сердца поблагодарить за Ваше прекрасное, и по мысли и по формѣ, посланіе. При чтеніи этого письма слезы градомъ катились у меня изъ глазъ [1]). Въ немъ сказалось все Ваше благородное сердце, вся Ваша прекрасная душа. Изъ всѣхъ рѣчей, которыми почтена память моего горячо любимаго и уважаемаго Отца и Короля, и которыя мнѣ пришлось прочесть за это время, Ваши слова, безъ сравненія, самыя лучшія, самыя краснорѣчивыя, самыя достойныя [2]). Это рѣчи — истиннаго поэта, т. е. человѣка, прислушивающагося не къ голосу своего желудка — (простите за это тривіальное, но глубоко вѣрное сравненіе) — а къ внушеніямъ Божественнаго Духа.

Другая цѣль моего письма нѣсколько условна, и вдохновенный поэтъ имѣлъ бы право обидѣться, увидѣвъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, смѣшаннымъ съ толпою придворныхъ, если бы я не былъ увѣренъ, что сердце не научило его распознавать дружескія намѣренія. Словомъ, дорогой Жуковскій, я жалую Вамъ брилліантовую звѣзду Краснаго Орла второй степени. Согласно статутамъ ордена, утвержденнаго королемъ, каждый кавалеръ его долженъ пройти черезъ всѣ его степени. Прошу Васъ, дорогой другъ, не отказать начать прохожденіе этихъ степеней. Выполнивъ свою задачу, обнимаю Васъ еще разъ въ пріятной надеждѣ, что буду часто васъ видѣть и что Вы никогда не покраснѣете за дружбу, которую Вы питаете ко мнѣ! Будьте здоровы!

Фридрихъ-Вильгельмъ.

Санъ-Суси.
25 іюля 1840 г.

№ 4.

Примѣчанія.

1. Въ высшей степени интересна эта единственная нѣмецкая фраза, вставленная въ письмѣ, написанномъ по французски.

Очевидно, въ королѣ прорвалось искреннее и глубокое чувство, которое онъ не могъ излить иначе, какъ на родномъ языкѣ.

2. Это относится къ письму Жуковскаго, помѣщенному здѣсь подъ № 2. Обращаетъ на себя вниманіе та чуткость, съ которою друзья поняли другъ друга и прочувствовали одинаково — одинъ, создавая характеристику, другой — прочитавъ и понявъ ее, какъ нѣчто, хотя и близкое къ дѣйствительности, но опоэтизированное до степени какой-то исторической легенды. Ср. начало письма № 5 на стр. 156.

№ 5.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

18/30 Ноября 1840.

Sire.

Un bonheur inespéré m'attendait à mon retour à Pétersbourg: C'est la lettre si pleine de bonté, que Votre Majesté a daigné m'écrire, accompagnée du don precieux de l'étoile de l'aigle rouge. Il est inutile pour moi de vou-

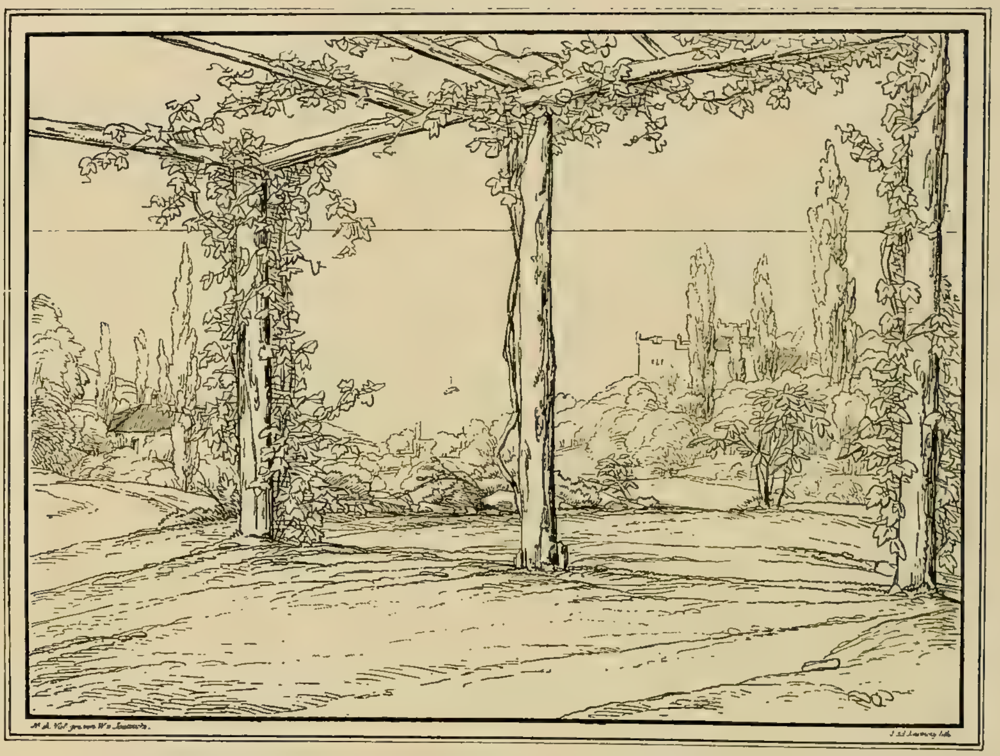
loir parler du sentiment, qui pénêtra toute mon âme à la lecture de ces lignes, tracées par votre main cherie: jamais je ne pourrai exprimer clairement ce bonheur pur et tout à fait desintéressé que j'ai éprouvé dans ce moment. Quoique ces lignes sont adressées à moi, quoique Votre Majesté y parle de moi avec tant de bienveillance, même avec tant d'éloge, mon amour propre, qui aurait pu si légitimement me jouer quelque tour de sa façon dans cette circonstance, ne s'est pas reveillé un moment; un autre sentiment plus heureux et plus cher à mon coeur s'est emparé de moi et a fait que des larmes [2]) bien douces tombèrent de mes yeux: c'est le sentiment intime de votre âme, telle que je la connais, telle que je l'aime, telle qu'elle a été toujours pour moi, l'idéal poétique d'un être noble et grand. Les moments les plus beaux de cette vie sont, sans contredit, ceux, où l'on rencontre une telle âme, qui, se présentant à vous dans toute sa simplicité, reveille dans la votre tout ce qui s'y trouve de bon et de beau, en la remplissant de cette harmonie, qui, entendue par fois dans ce monde, nous revèle les mystères ineffables de l'autre. J'ai joui de cette rencontre en lisant la lettre de Votre Majesté, j'ai entendu cette voix qui reveille tant de choses, et j'ai été heureux d'avoir senti en moi, que je n'étais pas sourd à une telle harmonie [3]).

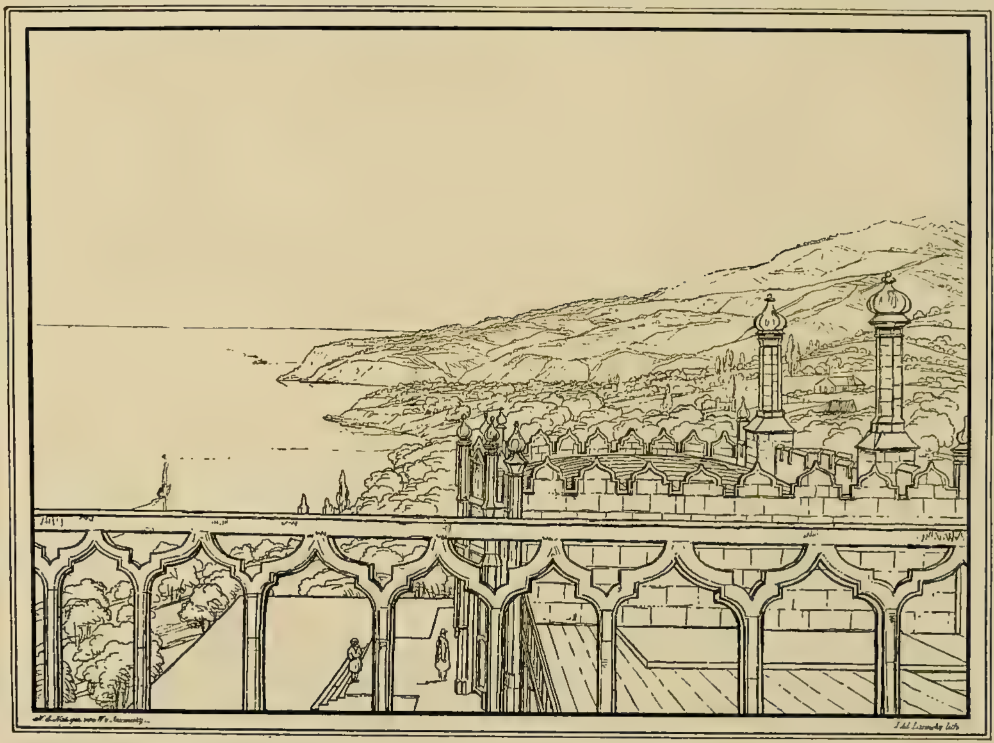
Déjà dans le cours de ma vie, j'ai eu plusieurs fois le bonheur de rencontrer de près cette âme, que j'aime de toutes les forces de la mienne, mais les moments où j'ai reconnu avec le plus d'enthousiasme toute sa haute nature sont ces moments magnifiques où elle a paru telle, qu'elle est devant tout un peuple, ou tous nos contemporains l'ont salué comme une belle étoile d'esperance, s'élevant sur eux pour les temps à venir. Oui, Sire, j'affirme et je l'ai entendu affirmer à beaucoup d'autres, que l'histoire ne présente pas de fait d'une grandeur aussi pure, aussi complete, aussi sans tâche que ces scènes de Koenigsberg et de Berlin, qui ont signalé les premiers jours de votre règne [4]). Les couronnements des Souverains sont, pour ainsi dire, un lieu commun historique; mais il faut aussi remarquer, qu'il n'y a de beau et de grand que ce qui est devenu l i e u c o m m u n, c'est à dire une chose, acceptée généralement comme vraie et tellement sanctionnée par le temps qu'à la fin elle n'est qu'un accessoire ordinaire et presque trivial de la vie. Chaque jour, par exemple, nous entendons s'ecrier: G r a n d D i e u! sans y faire attention; mais que celui, qui prononce ces mots (dans la joie ou dans la douleur), les exprime dans toute la force et la vérité du sentiment qu'ils doivent reveiller, on reste frappé comme de quelque chose qu'ont aurait entendu pour la première fois. Tout git donc dans la vérité: c'est elle seule, qui fait le sublime, c'est son absence qui fait, que le sublime devient ridicule. La préstation du serment à Koenigsberg et à Berlin, aurait été dans tous les cas un acte solennel et majestueux, mais elle devient un fait sublime, un fait unique dans son genre dans les annales du monde, lorsque Frederic Guillaume IV, emporté par l'inspiration du moment, tout pénetré de la sainteté de sa mission et plein de la présence de ce Dieu qu'on invoque devant lui et qu'il reconnait pour son souverain legitime, de libre arbitre, se présente devant son peuple et lève sa main au ciel, et prononce ces paroles mémorables, qui ont emporté les coeurs de tous ceux qui ont pû les entendre, qui ont rempli d'admiration et d'attendrissement tous ceux qui les ont lu après. Et pourtant ces paroles sont simples et semblent n'être qu'un lieu commun. Par quoi donc sont elles devenues les plus éloquentes de l'histoire? Par la vérité, oui, par la sainte vérité, qui ce

fait, que ces idées, ces lieus communs de la vie, l'idée de Dieu juge des Rois et des peuples, l'idée d'un Roi, tel qu'il doit l'être, et le mystère du serment et la sainteté du pouvoir souverain octroyé par Dieu, et la beauté de la fidélité, le droit, la justice, la clémence, enfin toutes ces grandes idées (trivialisées par l'usage journalier des mots, qui les expriment) comme par un coup de baguette magique, se presentèrent aux esprits dans toute leur majesté, les frappèrent comme une découverte subite et en fûrent comprises dans toute leur signification. Enfin par la vérité, qui a fait, qu'au son de ces paroles tout le monde fondit en larmes, tous les genoux plièrent et toutes mains se levèrent au ciel, car on connaissait l'homme qui les prononçait; car on savait que ce qui échappait de sa bouche dans le feu de l'enthousiasme, était sa religion, l'idée dominante de ses veilles et l'ange gardien de son sommeil.

Ce qui me touche particulièrement lorsque je recapitule ces belles paroles, c'est l'idée du bonheur ineffable que vous avez dû éprouver.

Sire, en les sentant échapper de votre âme, oui, je dirai, que le ciel pour prix de votre franchise dans le dévouement au bien, vous a en quelque manière prévenu, en vous accordant deux belles recompenses au commencement de votre carrière. La première en est celle de vous avoir montré la mort de votre père. Qui de nous n'a pas été à genoux devant cette couche ou parut finir comme il a vécu? mais il a fallu être son fils et son successeur au trône pour concevoir toute la beauté de cette fin du juste, pour s'emparer en quelque sorte de sa sainte mort et en faire le trésor de sa vie [5]). La seconde de ces recompenses est celle de vous avoir fourni l'occasion de vous sentir roi dans toute la grandeur de cette mission, le pouvoir d'exprimer ce que vous avez senti, et le bonheur d'être compris par votre peuple et vos contemporains. Un pareil moment est le plus beau dans la vie d'un Roi, donc il est le plus beau possible dans la vie d'un homme [6]). Que la Providence, qui vous l'ait accordé, après de longues, longues années, vous en accorde aussi, l'autre, tout aussi beau, que celui qui termina les jours de Votre père. En attendant vos contemporains, peuples et Rois, vous doivent déjà une grande reconnaissance. Vous avez proclamé et sanctifié les droits des premiers, mais en même temps vous en avez posé les bornes, en ramenant tout à la seule source d'où nous viennent et droit et justice et en déclarant chimeriques ces créations éphémères de la présomption humaine, qui dans notre temps déplacent celles de l'histoire et des siècles ou plutôt de Dieu lui même. Pour les seconds vous avez fortement contribué à redresser la dignité royale, contre laquelle notre siècle s'acharne avec une telle brutalité, les opinions les plus opposées (hors celles qui ne sont pas franches) se sont réunis dans un même enthousiasme pour vous. En vous entendant, une pensée unanime a dû s'élever dans tous les ésprits, c'est: „que la plus belle chose du monde est pourtant un Roi, Roi Chrétien, ami des lumières, plein de respect pour l'humanité, inaccessible dans ses droits mais humblement responsable devant son Dieu qu'il reconnait pour son seigneur et juge, qu'un tel Roi est la garantie la plus sûre de la liberté publique et individuelle et que le Regne d'un tel Roi, secondé par la civilisation (la plus puissante de toutes les constitutions si elle est secondée par les moeurs et le respect de la Religion) règle le présent et assure l'avenir en lui légant l'habitude de la Justice". En un mot ces paroles monumentales prononcées du haut d'une telle tribune, par un tel orateur ont été le resumé de l'histoire





Виды Крыма, 2 литографіи по рисункамъ В. А. Жуковскаго. а) Мысъ Хоръ. б) Видъ Симеиза изъ Алупки.
(Собр. Е. Е. Рейтерна).

universelle et la sanction de ces vérités générales que chaque siècle reçoit en héritage de celui qui le précède et lègue en les modifiant à celui qui le remplace. Et bénie soit encore une fois la mémoire de Fréderic Guillaume III. Par son règne il a préparé l'éloquente parole de son fils. Quelle école pour les gouvernants et les gouvernés, que ces 43 annees d'un règne sans tache, quel beau spectacle que cette âme royale, pure comme le jour, au milieu des sombres tempêtes de son temps, et enfin quel beau testament pour le successeur au trône que cette mort chrétienne, ce départ d'un ange qui sur la terre fût Roi. Grâce à ce Regne l'habitude de la justice, de la légalité, de la foi dans la fidélité royale s'est imperceptiblement insinuée dans toutes les pores de l'état et se liant à la civilisation lui donna une direction bienfaisante — et lorsque le nouveau Roi se leva pour parler à son peuple, il trouva toutes les âmes preparées, elles s'enflammèrent subitement au feu de sa parole et cette flamme ne s'éteindra pas; chaleur permanente, elle fortifiera les semences du bien que le fils de Fréderic Guillaume III repandra dans les sillons de son siècle.

Sire, dans votre adorable lettre vous m'avez apelé prophète. Sans prétendre proclamer mes prophéties sur les places publiques, j'ai pourtant dit quelque chose qui a le caractère d'une prophétie; je l'ai dit dans le cercle des âmes, qui, de concert avec moi, etaient remplis d'admiration à la lecture de votre profession de foi royale. Je me permets de confier à Votre Majesté cette prophétie de mon coeur. „La postérité (ai-je dit) ne lui donnera pas le surnom de grand; c'est un titre vague, souvent il a été prostitué; appliqué à l'homme il n'est qu'un mensonge; Dieu seul est grand. On ne l'appellera non plus ni juste, ni clément, ni bon, ni pieux, ni même père du peuple; tous ces surnoms sont fragmentaires, ils ne désignent qu'une partie de ce qu'un Roi doit être. La postérité, pour lui rendre justice, dira: Friedriech Wilhelm der König".

En priant Dieu de concerver et de prolonger votre vie royale, je suis avec le plus profond respect et la plus humble reconnaissance de votre Majesté royale le très humble serviteur

JOUKOVSKY.

St. Pétersbourg
1840 18/30 Novembre.

№ 5.

Переводъ.

Ваше Величество.

Нечаянная радость ожидала меня по возвращенiи въ Петербургъ. Я разумѣю письмо, полное ласки, которымъ Ваше Величество осчастливили меня, и приложенный къ нему драгоцѣнный подарокъ — звѣзда Краснаго Орла. Безполезно говорить о моихъ чувствахъ, переполнившихъ мою душу при чтенiи строкъ, начертанныхъ Вашею дорогою рукою. Я не сумѣю никогда описать испытанное мною въ то время чистое и безкорыстное ликованiе. Хотя письмо это адресовано было ко мнѣ, хотя въ немъ Ваше Величество выражались съ такимъ благорасположенiемъ и съ такими похвалами опять таки обо мнѣ — чувство самолюбiя, имѣв-

шее, казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ, законное право перейти въ гордость, ни на минуту не проснулось во мнѣ. Меня охватило чувство болѣе радостное и болѣе близкое моему сердцу; слезы[2]) умиленія струились изъ моихъ глазъ. Я почувствовалъ интимную близость Вашей души, какой я ее знаю и люблю и какой она всегда была для меня, какъ поэтическій идеалъ существа, полнаго благородства и величія. Прекраснѣйшими мгновеніями нашей жизни являются тѣ, когда встрѣчается на пути душа, которая можетъ раскрыться передъ вами во всей своей простотѣ и, на ряду съ этимъ, способная пробуждать въ вашей душѣ все, что есть въ ней возвышеннаго и прекраснаго, образуя ту гармонію, которая, и въ этомъ мірѣ раскрываетъ неизъяснимыя тайны другого міра. Читая письмо Вашего Величества, я радовался тому, что нашелъ подобную душу: я услыхалъ голосъ, способный пробудить подобныя чувства и я былъ счастливъ, удостовѣрясь, что я еще не утратилъ воспріимчивости къ этой гармоніи[3]).

Въ продолженіе своей жизни я многократно и весьма близко соприкасался съ этой душою, которую люблю всѣми силами моей собственной. Но съ наибольшимъ воодушевленіемъ позналъ я высоту ея въ величественный моментъ появленія ея предъ лицомъ всего народа, когда всѣ наши современники привѣтствовали ее, какъ лучезарную звѣзду надежды, возсіявшую надъ ними для освѣщенія ихъ въ будущемъ. Да, Государь, я утверждаю, и я слышалъ, то же утверждаютъ многіе другіе, что въ исторіи не найти такого факта, который, по чистотѣ своего безупречнаго величія, могъ бы сравниться со сценами въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, ознаменовавшими первые дни Вашего царствованія[4]). Коронованія государей являются, обыкновенно, такъ сказать, общими мѣстами въ исторіи, но необходимо замѣтить, что ничто не представляется такимъ прекраснымъ и возвышеннымъ, какъ именно тѣ же общія мѣста, т. е. нѣчто, признанное единодушно всѣми за такую истину и настолько освященное вѣковымъ обычаемъ, что уже разсматривается какъ обыденное, простое явленіе. Каждый день, напримѣръ, мы слышимъ фразу: Боже мой!“ и не обращаемъ на это восклицаніе никакого вниманія. Но стоитъ только чтобы кто нибудь произнесъ эти же самыя слова — въ радости или горести, все равно — съ внутреннею силою и съ вѣрою въ ихъ чудодѣйственность, какъ мы поражены ими, точно впервые услыхали ихъ. Все дѣло въ истинѣ; только при посредствѣ ея достигается высота, и, наоборотъ, безъ нея все возвышенное понижается до смѣшного. Принятіе королевской присяги въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ при всякихъ обстоятельствахъ произвело бы эффектъ величественный, но единственный за всю міровую практику случай одухотворенности коронаціоннаго акта сказался въ тотъ моментъ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV, весь проникнутый святостью своего предназначенія и Божественнаго Призванія, служащими для него единственнымъ высшимъ источникомъ власти, — по собственному побужденію всталъ предъ лицомъ народа своего и, воздѣвъ руки къ небу, произнесъ тѣ достопримѣчательныя слова, которыя привлекли къ себѣ сердца людей, слышавшихъ ихъ, и преисполнили уваженіемъ тѣхъ, которымъ пришлось прочесть ихъ потомъ. А вѣдь слова эти отличались простотою и казались одними общими фразами. Такъ почему же они отнесены къ категоріи краснорѣчивѣйшихъ историческихъ рѣчей? Истина, да, одна святая истина

только могла сдѣлать, что эти идеи, эти общія мѣста, идея о Богѣ — судьѣ царей и народовъ, идея о Королѣ, какимъ онъ долженъ быть, таинство присяги и святость власти правителя, призваннаго Богомъ и красота вѣрности долгу, право, справедливость, милость, наконецъ всѣ эти великія идеи (опошленныя ежедневнымъ употребленіемъ тѣхъ словъ, которыя ихъ выражаютъ), все это представилось умамъ людей, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, во всемъ величіи и поразило ихъ, какъ внезапное откровеніе и было понято во всей полнотѣ своего значенія. При звукѣ этихъ, дышавшихъ правдою словъ, всѣ прослезились, колѣна всѣхъ преклонились и всѣ руки молитвенно поднялись къ небу. Ибо всѣ знали того, кто говоритъ, знали, что источникомъ энтузіазма его является религіозность, — главная его руководительница во время бодрствованія и его ангелъ-хранитель во время сна.

Когда я начинаю возстанавливать въ памяти рѣчь Вашего Величества, меня особенно трогаетъ мысль о невыразимомъ счастьи, которое Вы должны были тогда испытать.

Государь, такъ какъ чувствовалось, что Ваши слова идутъ прямо отъ Вашего сердца, а также въ воздаяніе за Вашу искреннюю приверженность къ добру, небо уже въ началѣ Вашей дѣятельности дважды вознаградило Васъ. Во-первыхъ, Вамъ довелось быть свидѣтелемъ смерти Вашего отца. Кому изъ насъ не приходилось присутствовать при кончинѣ, соотвѣтствовавшей всему прошлому образу жизни умирающаго? Но нужно быть сыномъ и престолонаслѣдникомъ, чтобы постичь духовную красоту умирающей олицетворенной справедливости и, проникшись святостью такой смерти, сдѣлать ее сокровищемъ своей жизни [5]). Другимъ даромъ я считаю то, что Вы дѣйствительно почувствовали себя королемъ, во всей полнотѣ назначенія этой миссіи, сумѣли и выразить это, такъ, что всѣ это почувствовали и Вы были поняты Вашимъ народомъ и современниками. Такіе моменты — лучшіе въ жизни царей, такъ какъ они лучшіе изъ достижимыхъ въ жизни человѣка вообще [6]). Дай Богъ, что бы такъ вознаградившее Васъ провидѣніе, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ Вашего царствованія, назначило Вамъ преемника, столь же достойнаго, какъ тотъ, который закрылъ глаза Вашему отцу. А пока современные Вамъ народы и Государи обязаны Вамъ большою признательностью. Вы обнародовали и освятили права первыхъ, очертивъ въ то же время ихъ границы и опредѣливъ единственный источникъ права и справедливости.

Вы объявили химерою всѣ легкомысленныя измышленія человѣческой самонадѣянности, замѣщающія въ наши дни учрежденія историческія, созданныя вѣками, идущія даже отъ самаго Бога. Во вторыхъ, Вы твердо указали на необходимость поддержки достоинства царской власти, противъ которой наша эпоха ополчилась съ такою яростью. Даже наиболѣе оппозиціонно настроенные люди (исключая недостаточно откровенныхъ) объединились въ чувствѣ восторга передъ Вами. У всѣхъ, кто слушалъ Васъ, должна была зародиться одна общая мысль, мысль, что все же самое лучшее на свѣтѣ — король, король - христіанинъ, другъ просвѣщенія, уважающій гуманность, неограниченный въ своихъ правахъ, но съ покорностью отвѣтственный предъ Богомъ, его владыкою и судьею. Всѣ должны были сознаться, что такой король — надежнѣйшій оплотъ свободы общественной и личной, и что правленіе его, въ союзѣ съ цивилизаціею (самой могущественной изъ всѣхъ конституціонныхъ

образовъ правленія, если только она сопровождается добрыми обычаями и уваженіемъ къ религіи), руководитъ настоящимъ и вселяетъ увѣренность въ будущемъ, подготовляя привычку къ справедливости.

Однимъ словомъ, такая принципіальная рѣчь, произнесенная съ высоты такой трибуны, исшедшая изъ устъ такого оратора, была ничто иное, какъ окончательный выводъ всемірной исторіи и освященіе тѣхъ всеобъемлющихъ истинъ, которыя каждая эпоха получаетъ въ наслѣдство отъ предшествовавшаго вѣка и въ свою очередь завѣщаетъ, смягчивъ ихъ, послѣдующей эпохѣ. Да будетъ благословенна еще разъ память короля Фридриха-Вильгельма III. Своимъ царствованіемъ онъ подготовилъ краснорѣчивое слово своего сына. Что за прекрасная школа для государей и подданныхъ эти сорокъ три года его безупречнаго правленія; какое дивное зрѣлище являетъ эта душа короля, свѣтлая, какъ день, среди грозныхъ сумерокъ его времени, и, наконецъ, какой прекрасный завѣтъ для наслѣдника престола — эта христіанская кончина — этотъ отлетъ ангела, бывшаго на землѣ королемъ.

Царствованіе его пріучило народъ къ правосудію, законности и къ уваженію высшей власти, постепенно и нечувствительно пропитавъ этими качествами всѣ слои государства, и, слившись съ цивилизаціей, дало правильное направленіе его жизни. И когда новый король приготовился, чтобы говорить со своимъ народомъ, онъ нашелъ души своихъ слушателей совершенно подготовленными къ воспріятію его словъ; онѣ воспламенились вдругъ отъ огня его рѣчей и пламя это не погасло, а своимъ постояннымъ тепломъ оно будетъ содѣйствовать возростанію сѣмянъ, которыми сынъ короля Фридриха-Вильгельма III засѣетъ нивы своего вѣка.

Государь, въ своемъ очаровательномъ письмѣ Вы назвали меня пророкомъ. Нисколько не претендуя на использованіе моего пророческаго дара на общественныхъ площадяхъ, я все же сказалъ кое-что, имѣющее, дѣйствительно, характеръ прозрѣнія; я сказалъ это въ кругу лицъ, такъ же, какъ и я, преклоняющихся предъ высказаннымъ Вами Вашимъ государственнымъ символомъ вѣры. Позволю себѣ подѣлиться съ Вашимъ Величествомъ тѣмъ, что проницательно подсказало мнѣ мое сердце. „Потомство — выразился я — не наречетъ его великимъ — этимъ опошленнымъ эпитетомъ, въ своемъ частомъ приложеніи къ человѣку отзывающимся сплошнымъ лицемѣріемъ, ибо великъ только одинъ Богъ. — Грядущія поколѣнія не назовутъ его ни справедливымъ, ни милосерднымъ, ни добрымъ, ни благочестивымъ, ни даже отцомъ народа; всѣ эти характеристики неполны: онѣ обозначаютъ только отдѣльныя качества государя вообще. И, если потомство захочетъ воздать должное ему, то оно скажетъ: „Фридрихъ-Вильгельмъ — истинный Король“.

Моля Бога, да продлитъ онъ дни Вашего правленія, имѣю честь быть, съ глубочайшимъ уваженіемъ, преисполненный благодарности покорнѣйшій слуга Вашего Величества.

Жуковскій.

С.-Петербургъ.
18/30 ноября 1840.

№ 5.

Примѣчанія.

1. Часть этого письма была, вѣроятно, съ копіи черновика напечатана въ „Уткинскомъ Сборникѣ" М. 1904 г. стр. 1-я.

2. Сравни съ этимъ нѣмецкую фразу въ письмѣ Фридриха Вильгельма (№ 4), на которую обращено вниманіе въ примѣчаніи первомъ. Какъ прочно и долго сохранились проявленія сантиментальности до самой середины 19-го вѣка въ этихъ людяхъ, воспитавшихся въ традиціяхъ нѣмецкаго и русскаго сантиментализма, господствовавшихъ на рубежѣ 18-го и 19-го столѣтій.

3. Эти послѣднія строки представляютъ прекрасную и полную формулировку Жуковскимъ взаимоотношеній дружества въ стилѣ начала 19-го вѣка и значенія ихъ въ жизни человѣка. Только незнакомымъ съ другими подобными дружескими переписками первой половины 19-го вѣка могутъ показаться искусственными и странными такія рѣчи... Но тѣ, у кого на рукахъ перебывало болѣе или менѣе значительное количество подобныхъ интимныхъ документовъ, поймутъ полную искренность и непринужденность чувствъ, управлявшихся этими нѣжными законами дружества одинаково и въ средѣ, близкой царскому трону, и въ средѣ заурядныхъ обывателей.

Въ данномъ случаѣ — въ дружбѣ нашего поэта съ королемъ прусскимъ — можно отмѣтить развѣ только нѣсколько больше поэтической интимности, а также изящества не только въ формулировкахъ, но, я бы сказалъ, и въ самихъ переживаніяхъ.

4. Далѣе рѣчь идетъ о коронованіи короля, его присягѣ, и о тѣхъ проявленіяхъ энтузіазма, которыя были отвѣтомъ на это со стороны народа.

Нельзя не отдать должнаго Жуковскому въ его, можетъ, быть, нѣсколько одностороннемъ, но, во всякомъ случаѣ очень интересномъ и обстоятельномъ анализѣ этихъ психологическихъ настроеній и взаимоотношеній.

5. Это также чрезвычайно „стильно" для Жуковскаго сначала сантименталиста, а потомъ романтика. Общеніе съ прошлымъ, непосредственная связь съ нимъ и преемственность — являются для Жуковскаго какъ бы естественнымъ психологическимъ закономъ, для остающихся здѣсь, въ дѣйствительной жизни. И въ этомъ общеніи съ прошлымъ черпаются вдохновеніе и силы для работы.

6. Необходимость непосредственныхъ взаимоотношеній между главой государства и народомъ и вытекающія изъ этого обязанности и обязательства со стороны перваго, а также то нравственное удовлетвореніе, которое должно быть испытываемо при исполненіи этихъ обязательствъ, всегда лежали въ основаніи взглядовъ Жуковскаго на необходимое равновѣсіе въ государственномъ строѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивались имъ въ его многочисленныхъ корреспонденціяхъ съ коронованными друзьями. Порой его рѣчи на эти темы положительно носили характеръ настойчивыхъ внушеній. — Глубокоубѣжденный педагогъ, имѣя дѣло съ труднымъ ученикомъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не имѣя возможности говорить прямо, рисуетъ интересныя и заманчивыя картины и перспективы, которыя и увлекаютъ его воспитанника по намѣчаемому учителемъ пути. — Таковъ былъ Жуковскій, какъ воспитатель и наставникъ великихъ князей и княженъ, таковъ же, такъ сказать инстинктивно-педагогиченъ, часто бывалъ онъ и въ своихъ отношеніяхъ къ царственнымъ друзьямъ.

1843 годъ.

№ 6.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

15 Іюня 1843.

Sire.

La lettre [1]) ci-jointe fait pour la seconde fois le voyage de Berlin. Elle a été d'abord envoyée à un tiers, qui, trouvant le paquet trop gros, et ne sachant pas ce qu'il contenait, a jugé à propos de le renvoyer, pour ne pas, comme je le présume, payer le port. En voyant ainsi revenir ma lettre sans aucun resultat, j'ai cru d'abord que c'était une indication [2]) de ne pas l'envoyer. Mais, ayant reflechi, que ce que j'ai une fois reconnu pour un devoir sacré, ne pouvait dans aucune circonstance cesser de l'être et que j'étais

obligé de le remplir au risque de commêttre une inconvenance, je me décide d'expedier ma lettre telle, qu'elle a été écrite. J'ose croire, Sire, que Votre Majesté ne désapprouvera pas ma démarche, même si Elle l'aurait trouvé inutile. Je n'adresse ce paquet droit à Votre Majesté crainte de reveiller l'attention des curieux. Le principal ici est que R. [3]) n'aye aucune idée de toute cette affaire. Je propose à cet effet, que dans la lettre, que peut-être Votre Majesté aura la grace d'écrire, pour qu'elle soit montrée à R. il soit dit, que Votre Majesté s'étant informée où je me trouvais, notre ambassade vous a indiqué Ems. Cela éloignerait R. de tout soupçon. Daignez, Sire me pardonner tous ces détails.

Avec le plus profond respect de Votre Majesté le très humble serviteur.

JOUKOVSKY.

15 Juin Ems.

№ 6.

Переводъ.

Ваше Величество!

Прилагаемое при семъ письмо [1]) путешествуетъ въ Берлинъ вторично. Я поручилъ его доставку одному лицу, но тотъ, найдя пакетъ мой тяжеловѣснымъ и не зная, что именно онъ въ себѣ заключаетъ, заблаговразсудилъ вернуть посылку обратно, чтобы не платить, какъ я предполагаю, почтовыхъ издержекъ. Получивъ обратно свое недостигшее цѣли письмо, я усмотрѣлъ было нѣкоторое указаніе [2]) на то, что посылать этого письма не слѣдовало бы вообще. Но потомъ я остановился на мысли, что врядъ ли предпріятіе, выполненіе котораго я считалъ своею священною обязанностью, могло бы, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, утратить свою обоснованность. И тогда у меня созрѣло рѣшеніе послать письмо въ его первоначальномъ видѣ, то есть довести до конца свое намѣреніе, хотя съ рискомъ получить подтвержденіе о его неумѣстности. Позвольте надѣяться, Ваше Величество, что, въ крайнемъ случаѣ, Вы признаете мой образъ дѣйствій безполезнымъ, не подвергая, все же, его полному порицанію. Я не адресую пакетъ лично Вашему Величеству, изъ опасенія, что онъ обратитъ на себя вниманіе любопытныхъ. Суть въ томъ, что бы Р. [3]) не имѣлъ ни малѣйшаго представленія обо всемъ этомъ дѣлѣ. Въ этихъ соображеніяхъ я буду просить, чтобы въ письмѣ, которое Ваше Величество, можетъ быть, не откажете написать, для предъявленія его Р., было указано, что на Вашъ вопросъ, обращенный въ наше посольство, о томъ, гдѣ я нахожусь, получился отвѣтъ — въ Эмсѣ. При такомъ оборотѣ у Р. не явится никакихъ подозрѣній. Соблаговолите Ваше Величество, отнестись снисходительно ко всѣмъ этимъ мелочамъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ Вашего Величества покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

Эмсъ.
15 іюня (1843).

№ 6.

Примѣчанія.

1. Слѣдовъ этого письма, къ сожалѣнію, нѣтъ, если только данное письмо (№ 6) не должно быть отнесено къ 1846 г. Тогда вышеупоминаемымъ можетъ быть письмо подъ № 7.

2. Интересно сопоставить это проявленіе суевѣрія стараго романтика съ послѣдующимъ рѣшеніемъ (см. ниже) все же дѣйствовать, согласно долгу дружбы, въ защиту человѣка (Радовица), съ которымъ случилось несчастіе.

14/26 Августа 1848
Швальбахъ

Милостивая Государыня

Александра Васильевна.

Долгъ платежемъ красенъ. За вашъ портретъ — хотя, сказать истинную правду, святое солнышко, привыкшее ежедневно любоваться вашимъ оригиналомъ, не очень польстило вамъ въ копіи, сдѣланной собственными лучами его — жена моя (по вашему велѣнію и по собственному желанію) посылаетъ вамъ свой, въ которомъ вы конечно замѣтите сами точно такую же проказу небеснаго свѣтила, какою оно соблаговолило отличиться въ вашемъ портретѣ: у васъ вмѣсто руки медвѣжья лапа, а у жены вмѣсто носа пухлая спаржа. При этомъ портретѣ, которымъ уплачиваемъ капиталъ, такъ дружески вами данный, жена, вмѣсто процентовъ, прилагаетъ и мой портретъ, въ которомъ я въ видѣ моемъ какой-то угрюмый Бегемотъ по наружности. Прошу васъ сохранить съ памятью всей

преданнаго вамъ

Жуковскаго.

И это еще прибавлю: хотите написать дѣло, если на пути изъ Эмса заѣдете во Франкфуртъ навѣстить Бегемота и жену его и дѣтей его въ Саксенгаузенскомъ ихъ уединеніи, съ поклономъ, прошу васъ вручить, память о вашемъ минутномъ явленіи сохранимъ навсегда, знавъ, свѣтлая незабудочка

P.S.

Автографъ В. А. Жуковскаго. Письмо къ неизвѣстному лицу.
(Собств. Н. В. Соловьева).

P.S. Портрет посылаю без стекла, чтобы не подвергнуть его какой нибудь беде от почты. — Неизвестно застанут ли они вас в Эмсе. Если не застанут, то куда пересылать их? Вы мне не дали своего адреса. А я все еще в Швальбахе, где пробуду по крайней мере еще дней восемь. Жена с дружескими [illegible]

3. Рѣчь идетъ о Радовицѣ. Прусскій генералъ Іосифъ Радовицъ (род. въ 1797 г. ум. въ 1853), получилъ образованіе въ Парижѣ, былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, въ 1823 году поступилъ въ Пруссіи на службу преподавателемъ къ принцу Альбрехту. Необходимо отмѣтить его дружбу съ кронпринцемъ, впослѣдствіи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Радовицъ принималъ участіе во Франкфуртскомъ народномъ собраніи въ 1848 г., а послѣ того — въ выработкѣ проекта новаго союзнаго строя Германіи, который онъ защищалъ въ 1850 г. передъ Прусскими палатами и Эрфуртскимъ парламентомъ, послѣ чего занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Радовицъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ математическихъ, военныхъ, историческихъ, религіозныхъ и политическихъ трудовъ.

1846 годъ.

№ 7.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

30 Іюня 1846.

Sire.

Je commence par supplier très humblement Votre Majesté de vouloir bien me pardonner la liberté, que je prends, d'adresser à Elle ces lignes; d'un coté, j'y suis déterminé par un devoir sacré, qui m'ordonne même de m'exposer à commêttre quelque chose, qui pourrait paraître inconvenable, d'un autre coté je suis enhardi par un sentiment profond d'attachement pour Vous, pour l'homme auquel, en le comparant à tous ceux dont j'ai l'idée, sans aucune exception, je reconnais la plus belle âme, la plus remplie des sentiments humains, la plus aimante et la plus élevée. Vous voyez, Sire, que mes droits de Vous écrire dans ce moment sont bien constatés. Je viens au fait: j'arrive de Carlsruhe, où j'étais allé voir Radowitz. Je ne l'ai pas vu depuis les malheurs, qui sont venu tomber en torrent sur sa pauvre tête. En le revoyant, j'ai trouvé un autre homme, quant au phisique: maigre, se trainant à peine, à chaque instant saisi de fortes douleurs intérieures (dont le siège est dans le bas ventre) qui ne se laissent deviner, que par une expression plus douce de son visage et par une lueur particulière dans ses yeux où se lit une résignation douce et mâle. Quant au moral, toujours le même, toujours idées claires, vivement et pittoresquement exprimées, quoique dominées par une secrète pensée principale, qui donne à tout le reste quelque chose de calme et solennel, cette pensée secrète, qui troublerait ou abbaterait une âme ordinaire et qui dans la sienne n'est que le resumé d'une grande et belle vie, qu'une révelation complète de ce qu'il a conçu ici bas par la raison et a deviné par la foi, cette pensée est la persuasion, que sa mort est proche, que le procès de la destruction est déjà commencé dans l'intérieur de son corps et qu'il s'y est passé quelque chose qui ne cédera plus aux efforts de l'art et qui doit bientôt amener sa fin. On est saisi de respect, on se sent élevé et même encouragé, en l'entendant parler sur ce grave objet avec la plus grande briéveté, sans employer un seul mot, qui indiquerait quelques exaltations; il voit la mort comme les âmes élues seules peuvent la voir, en parlant des derniers instants de sa fille (qui ont été beaux au delà de toute expression) il m'a dit: „cette mort a pour moi une signification particulière; elle m'a été envoyée comme modèle pour la mienne". Qu'est ce qui au monde peut être plus profondement

touchant, que de voir un père — un Radowitz — accepter avec une tendre humilité une pareille instruction de sa fille, qui en peu d'années et surtout en peu d'instants de cette soumission, de cette douceur, qu'elle a montré en présence de sa mort si prématurée, a vécu une vie complète et en la quittant, innocente et sereine, a laissé à l'âme de son père un tel héritage! En un mot il est persuadé, que ses jours sont comptés et il s'occupe lui même avec le plus beau calme de coeur à rediger lui même ce compte [1]). A-t-il deviné juste, en sera-t-il décidé autrement — c'est Dieu seul qui le sait, et pour une âme telle que celle-là tout lot tombé de la main divine sera un lot gagnant. Je reviens à l'objet particulier de ma lettre. Le voyage que Radowitz a fait, en profitant du congé, qui lui a été accordé, au lieu de lui faire du bien, ne lui a fait que du mal: il a déterminé cette maladie qui le ruine à présent et dans laquelle il voit le germe d'une mort prochaine. Tout s'est accumulé de produire ce resultat fatal: mauvais temps, qui n'est devenu beau, qu'au moment de son retour (alors que tout a été déjà complètement gaté), maladie de tous ses enfants, et plusieurs tristes circonstances du dehors, qui s'étaient comme concertés pour l'assaillir au moment où son âme, frappée par un grand malheur, était le plus à leur merci. Revenu à son poste, il s'est remis à toutes ses occupations, et, comme par rapport en moral, il n'a senti aucun ébranlement, tout va son tracis sans le plus petit embarras. Mais cette activité est destructive: son corps s'eteint; il est continuellement en souffrance; ses nuits sont sans sommeil; ses nerfs sans repos; quelques fonctions de son corps sont tout à fait suspendues. Il devait venir vers la moitié de Juin à Francfort, mais il ne l'a pas pu; tout mouvement un peu soutenu aggrave ses souffrances. Toutefois il veut faire cette course au premier répit accordé par sa maladie. Ce qui au contraire lui serait à présent le plus salutaire, serait un nouveau congé, qui lui procurerait la possibilité ou de rester immobile en place ou, peut-être, d'avoir recour à quelque bain (si cela sera ordonné par Chelins, qu'il s'est décidé enfin de consulter). Mais il est déterminé de ne pas demander de congé. Comme son état ne peut pas être connu à Votre Majesté dans tous ses détails, j'ai cru de mon devoir (même vis-à-vis vous, Sire) de vous le présenter tel qu'il est. Si ce congé lui venait de la part de Votre Majesté comme un o r d r e, il s'y soumettrait. C'est la seule chose qui dans ce moment est de la plus indispensable néccessité: le reste est dans la main de Dieu; a-t-il décidé d'enlever à la terre la lumière de l'âme de Radowitz, voudra-t-il nous la conserver encore, que sa volonté soit faite. Mais ce que vous — son Roi cheri, vous — trézor de son coeur, ce que vous ferez pour sa conservation, sera toujours de bon resultat. Sera au moins une joie terrestre pour son âme (si son corps ne doit plus être sauvé), sera en même temps une jouissance pour la votre, si tendre, si fidèle dans ses attachements. En terminant cette lettre j'ose demander à Votre Majesté le secret sur ma démarche: j'ai osé me la permettre en pleine confiance dans votre bonté angélique; mais elle est faite à l'insu de tout le monde. Acceptez la, Sire, comme l'expression de l'amour que mon coeur vous porte et qu'il vous portera jusqu'au tombeau.

Avec le plus profond respect de Votre Majesté le très humble serviteur.

JOUKOFFSKY.

30 Juin 1846.
Francfort s/M.

№ 7.

Переводъ.

Государь!

Начну съ покорнѣйшей просьбы простить мою смѣлость, съ которою я обращаюсь къ Вамъ со слѣдующими строками. Но къ этому меня побуждаетъ, съ одной стороны, мой священный долгъ, предписывающій мнѣ даже не бояться навлечь на себя нареканія по поводу моей безтактности; съ другой стороны, мнѣ придаетъ духу моя глубокая привязанность къ Вамъ, — человѣку, надѣленному — сравнительно со всѣми мнѣ извѣстными, безъ всякаго исключенія, людьми — самою прекрасною душою, самыми гуманными чувствами, любвеобиліемъ и высокой душой. Согласитесь, Государь, что мое право писать Вамъ, въ данный моментъ, хорошо обосновано. Приступаю къ дѣлу. Я возвратился изъ Карлсруэ, куда ѣздилъ для свиданія съ Радовицемъ. Я его не видѣлъ съ той поры, когда на его бѣдную голову обрушились всяческія бѣды. Теперь предо мною былъ физически уже совершенно другой человѣкъ. Онъ исхудалъ, еле волочитъ ноги, изнемогая отъ тяжкихъ внутреннихъ страданій (въ области желудка), о которыхъ можно догадываться только по выраженію его лица, болѣе мягкому, по особенному блеску глазъ, въ которомъ отражается безропотная и твердая покорность судьбѣ. Но духовныя силы не измѣнили ему: все та же ясность мышленія и способность выражаться живо и образно, хотя надъ всѣми его сужденіями ясно преобладаетъ одна мысль, которая придаетъ всему остальному особый отпечатокъ спокойствія и торжественности. Эта затаенная мысль, могущая нарушить равновѣсіе у зауряднаго человѣка, у Радовица является результатомъ крупной и красивой жизни, полнымъ откровеніемъ всего того, что здѣсь, на землѣ онъ подчинилъ себѣ силою разума и постигъ при посредствѣ религіи; это его мысль, его убѣжденіе въ неизбѣжности близкой смерти, убѣжденіе въ томъ, что процессъ разрушенія уже начался въ глубинѣ его организма, гдѣ произошло нѣчто такое, что остановить не въ силахъ наука и что скоро должно привести къ концу его существованія. Невольно проникаешься уваженіемъ и даже чувствуешь себя пріободреннымъ, когда онъ кротко говоритъ о такихъ серьезнымъ вопросахъ и, при этомъ, ни одно его слово не выдаетъ, чтобы онъ самъ былъ этимъ взволнованъ. Такъ глядѣть въ глаза смерти, какъ онъ, могутъ лишь избранныя души. Говоря о послѣднихъ минутахъ своей дочери (которыя были невыразимо прекрасны), онъ прибавилъ: „эта смерть имѣла для меня особенный смыслъ, она была ниспослана мнѣ какъ прообразъ моей собственной смерти“. Что можетъ быть на свѣтѣ болѣе трогательнаго, какъ видѣть отца, подобнаго Радовицу, смиренно подчиняющагося примѣру своей дочери, которая послѣ своей краткой жизни, полной самоотверженія и великодушія, невинная и чистая, безвременно отошла въ иной міръ, оставляя отцу такое наслѣдство! Словомъ, онъ убѣжденъ, что дни его сочтены и онъ въ полномъ спокойствіи занимается подведеніемъ всему итоговъ [1]). Угадалъ ли онъ вѣрно или же будетъ суждено иначе — одинъ Богъ это знаетъ. Для такого человѣка, какъ Радовицъ, всякій жребій, ниспосланный свыше, будетъ желаннымъ. Перехожу къ главной цѣли моего письма. Поѣздка, предпринятая Радовицемъ во время разрѣшеннаго ему отпуска, не только не помогла ему, а, наоборотъ, только ухудшила его положеніе, развивъ болѣзнь, въ

которой онъ видитъ зародышъ близкой смерти. Все, какъ-будто, соединилось противъ него: дурная погода, которая улучшилась лишь только ко времени его возвращенія изъ отпуска (когда все было уже окончательно испорчено), болѣзнь всѣхъ дѣтей и много другихъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя, какъ будто нарочно сосредоточились, чтобы одолѣть его въ тотъ моментъ, когда его душа, пораженная большимъ несчастіемъ, была больше всего къ тому подготовлена. Теперь Радовицъ возвратился ко всѣмъ своимъ обычнымъ занятіямъ, и такъ какъ его умственныя способности нисколько не измѣнились, то все у него идетъ своимъ чередомъ, безъ малѣйшаго уклоненія въ сторону. Но работа подтачиваетъ его здоровье: тѣло его ослабѣваетъ, онъ постоянно страдаетъ, ночь онъ проводитъ безъ сна, его нервы не отдыхаютъ, нѣкоторыя физическія отправленія совершенно прекратились. Онъ собирался въ срединѣ іюня пріѣхать во Франкфуртъ, но не могъ. Всякое передвиженіе только увеличиваетъ его страданія. Все же онъ пріѣдетъ, какъ только недуги его хоть немного стихнутъ. Самымъ спасительнымъ для Радовица былъ бы въ настоящее время новый отпускъ. Послѣдній дастъ ему возможность или воспользоваться абсолютнымъ покоемъ на мѣстѣ, или выдержать курсъ леченія ваннами (если таковое будетъ предписано Chelin'омъ, съ которымъ онъ рѣшилъ, наконецъ, посовѣтоваться). Самъ Радовицъ рѣшилъ не хлопотать объ отпускѣ. Такъ какъ состояніе его здоровья не могло быть извѣстно Вашему Величеству во всѣхъ подробностяхъ, я счелъ своимъ долгомъ — по отношенію къ Вамъ, Государь, — изложить все дѣло такъ, какъ оно обстоитъ. Если этотъ отпускъ послѣдуетъ со стороны Вашего Величества, въ формѣ приказанія, Радовицъ подчинится. Въ данный моментъ это представляется дѣломъ первостепенной необходимости. Остальное въ рукахъ Божьихъ. Захочетъ ли Онъ еще сохранить для насъ Радовица, захочетъ-ли взять его душу — да будетъ во всемъ Его Святая Воля. Но все что Вы — его обожаемый король, Вы — сокровище его души, все чтобы вы ни сдѣлали для его спасенія, все дастъ прекрасные результаты. Это будетъ земной радостью для его души (если тѣло его больше уже не можетъ быть спасено), это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно и для Васъ — столь нѣжнаго и столь постояннаго въ своихъ привязанностяхъ. Заканчивая свое письмо, рѣшаюсь просить Ваше Величество сохранить въ тайнѣ мое ходатайство. Я позволилъ себѣ вступить съ нимъ будучи вполнѣ убѣжденъ въ Вашей ангельской добротѣ, но предпринято оно въ тайнѣ отъ всѣхъ. Отнеситесь къ моимъ словамъ, Государь, какъ къ проявленію моей любви къ Вамъ, которую я унесу съ собою въ могилу.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Величества покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

Франкфуртъ н/М.
30 іюня 1846.

№ 7.

Примѣчаніе.

[1]) Радовицъ прожилъ послѣ этого еще семь лѣтъ и принималъ самое горячее участіе въ политической жизни Германіи. Онъ пережилъ Жуковскаго.

№ 8.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

3 Іюля 1846.

Sire.

Pendant que j'écrivais la lettre, par laquelle j'ai osé dernièrement importuner Votre Majesté royale, je sentais dans mon intérieur quelque chose, qui me disait, que la démarche, que je me permettais, était superflue. Grâce au ciel, cette voix a eu raison; si j'avais prété plus d'attention au conseil, qu'elle me donnait, j'aurais évité le malheur de devenir importun près de Vous, Sire, et je ne me trouverais pas dans la pénible nécéssité d'accuser par une seconde lettre l'inutilité de la première. Je mets très humblement aux pieds de Votre Majesté la prière de m'accorder un généreux pardon [1]): le motif, qui m'a inspiré la témerité de Vous écrire, plaidera peut être ma cause près de Votre coeur; et la nouvelle moins sinistre, que je prends la liberté de communiquer à Votre Majesté, vous disposera à accorder plus d'indulgeance à ma faute.

Voici l'extrait d'une lettre de Madame de Radowitz, que nous venons de recevoir dans ce moment:

„Gestern (I July) fand eine gründliche Consultation mit Chelins statt. Er hat von allen Seiten sein Leiden erforscht; und ist im Allgemeinen der Ansicht dass die Krankheit durch Ansteckung des Typhus entstanden, ein chronischer Leiden geworden und wohl den momenten gefährlichen Character überwunden hat. Warme Bäder mit inneren Mitteln sind unentgänglich nöthig; und zu dem Gebrauch derselben ist Baden bestimmt. Eine Heilung verspricht er erst in mehreren Monaten".

J'ai cru devoir communiquer cet article en entier à Votre Majesté pour Vous donner une idée complète de l'état du malade [2]). Mais la décision de Chelins annule en entier la nécéssité du congé, sur lequel il m'a paru indispensable d'attirer l'attention de Votre Majesté; j'ai osé le faire sur ma tête, et, grâce au Ciel, il se trouva, que j'ai eu tort, que le congé n'est pas si urgent et qu'il contrarierait même le malade, s'il lui venait sans qu'il le demandat; il peut à présent s'occuper de sa cure sans quitter sa place et sans interrompre les travaux, exigés par son poste. Toutefois ma démarche importunée a un bon côté: elle a servi à présenter à Votre Majesté la situation du malade telle qu'elle est. L'avis de Chelins est consolant, mais le danger n'est pas détruit; il menace de bien près. C'est en Dieu que nous mettons notre espérence et nous le prions, que dans notre ami Il daigne conserver à votre Majesté un serviteur fidèle, dont l'âme Vous est dévouée tout entière et qui à chaque instant est prèt à vous donner sa vie.

Avec le plus profond respect de Votre Majesté le très humble serviteur.

Joukovsky.

3 Juillet 1846.
Francfort s/M.

№ 8.

Переводъ.

Государь.

Когда я писалъ свое письмо, которымъ въ прошлый разъ рѣшился побезпокоить Ваше Королевское Величество, внутренній голосъ под-

сказывалъ мнѣ, что мое ходатайство излишне. Благодареніе Богу, голосъ этотъ меня не обманулъ. Послушайся я его больше, мнѣ не пришлось бы доводить себя до непріятности показаться Вамъ, Государь, безцеремоннымъ въ отношеніи Васъ, и писать теперь второе письмо, съ цѣлью доказать всю безполезность перваго. Я повергаю къ стопамъ Вашего Величества покорнѣйшую просьбу великодушно отпустить мнѣ мою вину [1]). Мотивъ, который внушилъ мнѣ смѣлость писать Вамъ, можетъ быть, самъ смягчитъ мою вину предъ Вами; а менѣе печальная новость, которую я беру смѣлость сообщить Вашему Величеству, надѣюсь расположитъ Васъ быть болѣе снисходительнымъ къ моей ошибкѣ.

Вотъ извлеченіе изъ только что полученнаго мною письма госпожи Радовицъ.

„Вчера (1 іюля) мужъ мой былъ тщательно и всесторонне изслѣдованъ при участіи Chelin'а. Послѣдній держится, въ общемъ, того взгляда, что болѣзнь произошла благодаря зараженію тифомъ, пріобрѣла хроническій характеръ, но что опасные моменты ея уже миновали. Неотложно нужны теплыя ванны, одновременно съ пользованіемъ внутренними средствами; для этого леченія указанъ Баденъ. Выздоровленіе обѣщано только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ".

Я считаю долгомъ сообщить Вамъ содержаніе этого письма для того, что-бы Вы были полностью освѣдомлены о состояніи здоровья больнаго. Предписанное Chelin'омъ леченіе можетъ обойтись безъ того отпуска Радовица [2]), о неизбѣжности котораго я писалъ Вашему Величеству. Я осмѣлился это сдѣлать на свою отвѣтственность и, слава Богу, что я ошибся. Отпускъ не необходимъ, да и полученный больнымъ, помимо его просьбы, онъ былъ бы ему непріятенъ. Радовицъ можетъ теперь лечиться, не покидая своего поста и не прерывая своихъ занятій. Во всякомъ случаѣ мое неудачное выступленіе имѣетъ ту хорошую сторону, что доставило мнѣ возможность обрисовать Вашему Величеству все состояніе больного. Діагнозъ Chelin'а утѣшителенъ, но опасность еще не исчезла; она угрожаетъ не издалека.

Возложимъ наше упованіе на Господа и попросимъ у него, да сохранитъ онъ вѣрнаго и любящаго слугу Вашего Величества, готоваго за Васъ во всякое время положить свою жизнь.

Съ глубокимъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга Вашего Величества

Жуковскій.

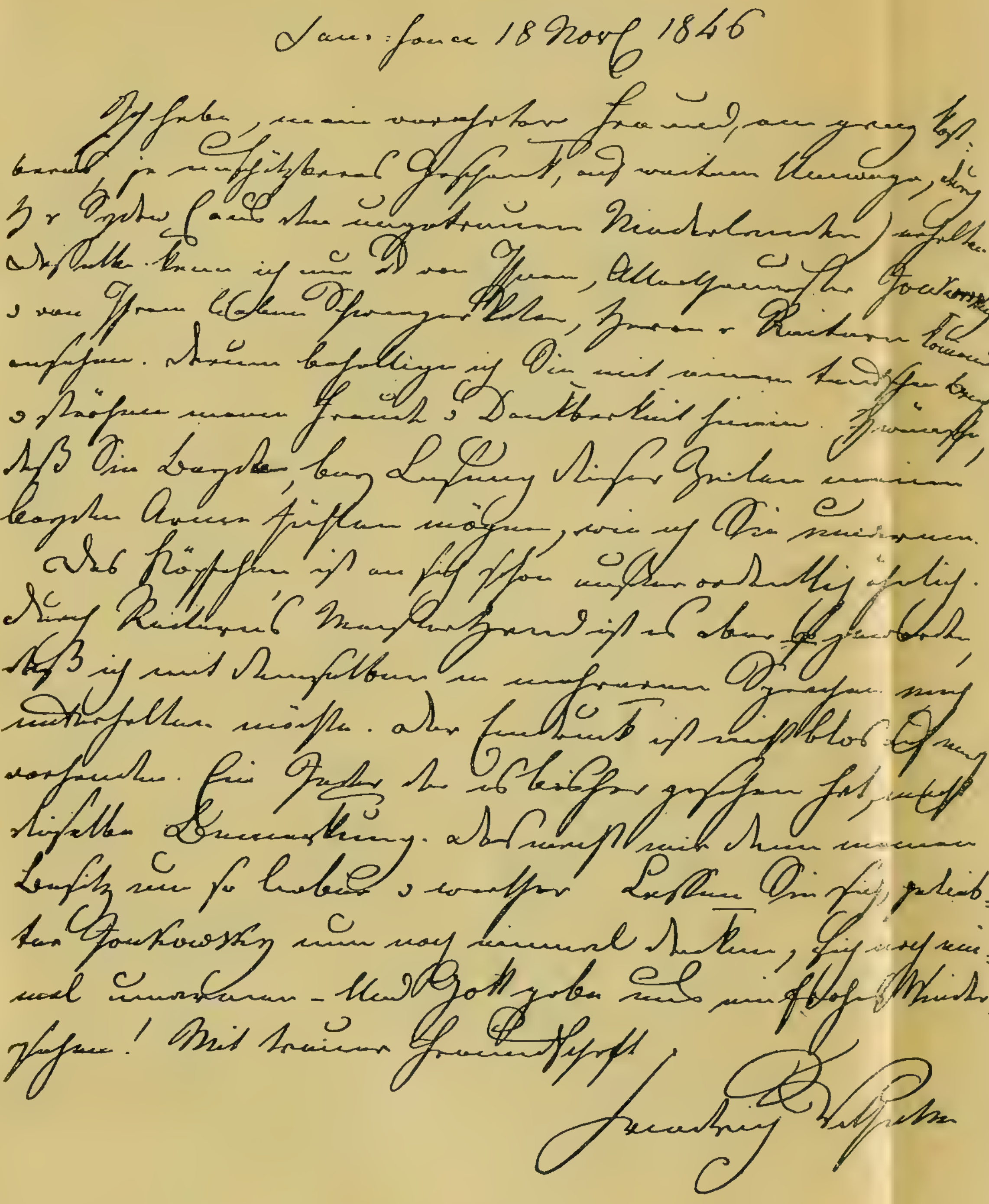
Франкфуртъ н/М.
3 іюля 1846 г.

№ 8.

Примѣчанія.

1. Интересно это признаніе Жуковскаго и его просьба простить его за излишнее усердіе. Это опять прекрасный показатель того, съ какой отзывчивостью и чуткостью Жуковскій относился къ своимъ друзьямъ, какъ входилъ въ ихъ личные интересы и какъ пользовался своимъ положеніемъ, что бы, если то ему представлялось необходимымъ, оказывать имъ чрезъ своихъ другихъ — высокопоставленныхъ друзей — свою поддержку, даже безъ вѣдома лицъ непосредственно заинтересованныхъ въ томъ.

2. Еще одно настойчивое исполненіе долга „дружества", граничащее почти съ назойливостью, которая врядъ-ли могла быть пріятна его коронованному корреспонденту.


Sans-Souci 18 Novb 1846

Mit treuer Freundschaft

Friedrich Wilhelm

Автографъ Короля Фридриха Вильгельма IV. Письмо къ Жуковскому.

№ 9.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

18 Now. 1846.
Sans Sousi.

Ich habe, mein verehrter Freund, ein ganz kostbares je unschätzbares Geschenk, auf weitem Umwege, durch H — r v. Sijdow [1]) (aus dem ungetrauen Niederlanden) erhalten. Dasselbe kann ich nur oder von Ihnen, Allertheuerster Joukovsky, oder von Ihrem lieben Schwieger-Vater, Herrn v. Reitern [2]) kommend ansehen. Drumm bechaltige ich Sie mit einem deutschen Brief und ströme meine Freude und Dankbarkeit hinein. Ich wünsche dass Sie Beyde bey Lesung dieser Zeilen meine beyden Arme fühlen mögen, wie ich Sie umarme.

Das Köpfchen ist an sich schon ausserordentlich ähnlich. Durch Reiterns Meisterhand ist es aber so geworden, dass ich mit demselben in mehreren Sprachen mich unterhalten möchte. Der Eindruck ist nicht blos auf mich vorhanden. Ein Jeder der es bisher gesehen hat, macht dieselbe Bemerkung. Das macht mir meinen Besitz um so lieber und werther. Lassen Sie sich, geliebter Joukovsky, nun noch einmal danken, sich noch einmal umarmen. Und Gott gebe uns ein frohes „Wiedersehen! Mit treuer Freundschaft.

FRIEDRICH WILHELM.

№ 9.

Переводъ.

Я получилъ, мой уважаемый другъ, цѣнный, — даже безцѣнный подарокъ, дошедшій до меня кружнымъ путемъ, чрезъ г. ф.-Сидова [1]), (изъ ненадежной Голландіи). Имъ я могу быть обязанъ только Вамъ, дражайшій Жуковскій, или Вашему милому тестю, г. ф.-Рейтернъ [2]). Поэтому благодарю Васъ нѣмецкимъ письмомъ и выражаю Вамъ свое удовольствіе и благодарность. Я хотѣлъ бы, чтобы, при чтеніи этихъ строкъ, оба вы могли бы чувствовать мои объятія.

Головка сама по себѣ отличается изъ ряда вонъ выходящимъ сходствомъ. Съ нею, благодаря искусству Рейтерна, положительно можно бесѣдовать на разныхъ языкахъ. То же впечатлѣніе испытываю не я одинъ. Каждый, кто только видѣлъ до сихъ поръ эту головку, высказывалъ тѣ же замѣчанія; это дѣлаетъ мою собственность и милѣе и дороже для меня. Позвольте, мой возлюбленный Жуковскій, еще разъ поблагодарить Васъ и еще разъ обнять. И пошли намъ Господь радостное свиданіе.

Вашъ вѣрный другъ.

ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Санъ-Суси.
18 ноября 1846 г.

№ 9.

Примѣчанія.

1. Фонъ-Сидовъ, прусскій резидентъ во Франкфуртѣ на М.

2. Гергардъ-Вильгельмъ фонъ-Рейтернъ (родился въ 1794 году, умеръ въ 1865). Въ 1811 году, не кончивъ Дерптскаго Университета, поступилъ на военную службу. Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ лишился правой руки и посвятилъ себя живописи. Учился у Г. Лори, Фр. Шидова и Гильдебрандта. Одна изъ лучшихъ его картинъ,

„Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака“, находится въ музеѣ Императора Александра III. Нѣсколько картинъ его находятся въ Императорскихъ Дворцахъ. В. А. Жуковскій былъ давно друженъ съ Рейтерномъ, а въ 1841 г. и породнился съ нимъ, женившись на его дочери Елизаветѣ.

Въ кругу этой семьи Жуковскій и провелъ всѣ послѣдніе годы своей жизни.

№ 10.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

25 Ноября 1846.

Sire.

Je ne trouve pas de paroles pour exprimer à Votre Majesté Royale le sentiment, qu'a reveillé dans mon coeur et dans celui de mon beau-père Reitern la lecture de la gracieuse lettre, que Vous avez eu la bonté de nous adresser. Daignez, Sire, permettre, que nous mettions à vos pieds notre profonde reconnaissance. Monsieur de Sijdow, ayant par Votre ordre fait parvenir à Votre Majesté le platre, colorié par mon beau-père, j'ai craint de commetre une indiscrétion, en y ajoutant une lettre de ma part. J'étais déjà trop heureux de savoir, que Vous avez daigné, Sire, Vous souvenir de moi avec une telle bienveillance, mais que Vous voudriez encore par dessus cela exprimer dans de termes aussi gracieux une reconnaissance pour ce bonheur, qui était accordé par Vous même, c'était une surprise, trop inattendue, et j'en suis pénetré profondement. Il n'y a que Vous, Sire, qui savez être si incomparablement aimable, en alliant la franche dignité royale à la simple bonté d'un particulier.

Le dernier mot de la premiere [1]) lettre de Votre Majesté m'a fait verser de larmes. Gott gebe uns ein frohes Wiedersehen! Cela m'a rappelé ce moment, où on a entendu la confession royale que Frederic Guillaume IV a prononcé devant son peuple à la face du ciel [2]); et j'ai pensé en même temps au siècle monstrueux contre lequel depuis ce moment, unique dans l'histoire, il est forcé de lutter et aux souffrances qui doivent si souvent déchirer son âme. Oui! il y a une place sure, où ceux, à qui il sera donné d'y parvenir, peuvent compter sur une entrevue pleine de joie avec Vous: c'est devant Dieu qui sait et bénit Vos pensées, qui vous dit de persévérer coute que coute, et qui vous accordera un jour sa récompense: la vie des Rois, aussi fidèles que Vous à la justice divine, est toujours un triomphe, même dans le nonsuccès, au milieu des renversements et de troubles qui peuvent bouleverser leur Siècle. — Que Dieu conserve Votre Majesté, qu'il protège vos précieux jours et vos actions royales.

Avec le plus profond respect de Votre Majesté le très humble serviteur

Joukovsky.

25 Novembre 1846.
Francfort s/M.

№ 10.

Переводъ.

Государь.

Я не нахожу словъ, что бы передать Вашему Королевскому Величеству тѣ чувства, съ которыми и я и мой тесть Рейтернъ прочли Ваше милостивое письмо. Позвольте, Государь, повергнуть къ сто-

памъ Вашимъ глубокую признательность. Г-нъ фонъ-Сидовъ, доставивъ Вамъ, по распоряженію Вашему, раскрашенную моимъ тестемъ статуэтку, поступилъ, боюсь, нескромно, присоединивъ къ посылкѣ мое письмо. Я былъ слишкомъ счастливъ уже однимъ тѣмъ сознаніемъ, что Вы, Государь, удостоили вспомнить обо мнѣ въ такой благосклонной формѣ. Но еще болѣе пріятною неожиданностью явилась для меня Ваша милостивая благодарность за радость, доставленную мнѣ Вами же. Это было большой неожиданностью и я тронутъ до глубины души. Только Вы, Государь, могли проявить столько исключительной доброты, сочетавъ при этомъ царственное величіе съ простотою частнаго человѣка.

Послѣднія слова перваго [1]) письма Вашего Величества исторгли у меня слезы. „Пошли намъ Господь радостное свиданіе" — пишете Вы. Тотчасъ же пришла на память та минута, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ IV говорилъ предъ лицомъ Бога о будущемъ своего народа [2]), и я размышлялъ о томъ чудовищномъ вѣкѣ, съ которымъ, начиная съ этого единственнаго въ исторіи момента, придется бороться королю, а также о тѣхъ скорбяхъ, которыя будутъ томить его душу. Да, есть одно надежное мѣсто, обѣщающее тѣмъ, кому дано будетъ туда попасть, что тамъ можно разсчитывать на радостную встрѣчу съ Вами — я разумѣю лоно Господа Бога. Онъ знаетъ и благословляетъ Ваши помыслы, побуждаетъ Васъ стремиться къ Вашей цѣли во что бы то ни стало, и когда-нибудь воздастъ Вамъ должное. Жизнь государей, настоль же подчиняющихся высшей справедливости, какъ Вы, всегда будетъ сплошное торжество, даже среди неудачъ, неурядицъ, волненій, разрушающихъ строй ихъ времени. Да сохранитъ Господь Ваше Величество и да будетъ Онъ покровителемъ Вашихъ царственныхъ дней и дѣлъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Величества покорнѣйшій слуга.

Жуковскій.

Франкфуртъ н/М.
25 ноября 1846 г.

№ 10.

Примѣчанія.

1) Счетъ писемъ, дѣлаемый Жуковскимъ, не понятенъ, такъ какъ послѣднее письмо Фридриха-Вильгельма (подъ № 9) является уже третьимъ его письмомъ Жуковскому. Не описка ли это Жуковскаго?

2) См. письмо № 5, стр. 153 и 156.

№ 11.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

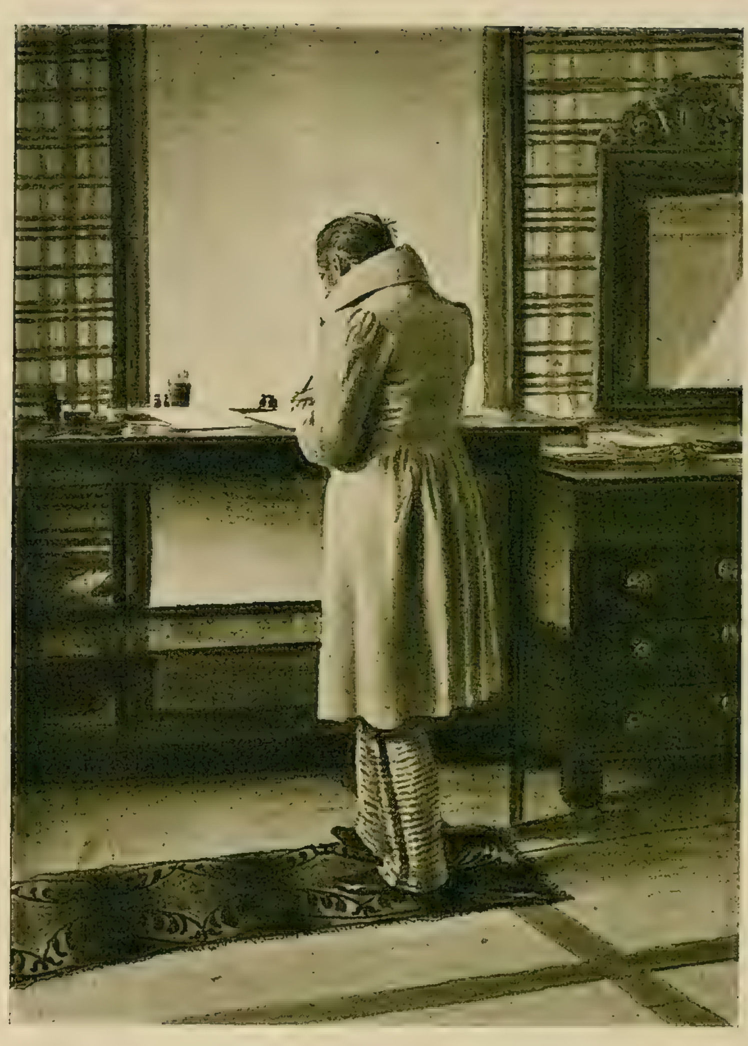
7 Іюня 1848.
Эмсъ.

Sire.

Le pas, que je me hasarde de faire, en mettant cette lettre aux pieds de Votre Majesté, tout singulier, tout inopportun qu'il peut être, m'est ordonné par le plus saint devoir; je le fais hardiment, sûr d'être approuvé par Vous, dont l'âme est le siège de la plus haute vertu et de la plus pure bonté.

C'est sur Radowitz que je veux porter l'attention de Votre Majesté royale. Emporté loin de Vous par le torrent des événements, qui a tout renversé, il n'a pu avoir l'occasion de Vous parler de sa situation et ne l'aurait pas fait, si même cette occasion se serait presentée. Au mois de Novembre 1847 je l'ai rencontré à Francfort, lorsque, par ordre de Votre Majesté, il se rendait à Berlin: alors il était riche de ce qu'on appelle les biens de ce monde. Peu de mois après je le retrouve de nouveau à Frankfort; il est complettement dénué de ces biens, sa carrière est brusquement finie, il est separé de son roi, auquel à present, lorsque l'heure de l'adversité a sonné, il est devoué plus intimement que jamais, son activité est paralisée, même la possibilité de respirer librement dans une retraite obscure au milieu des siens, en se consolant par la science, lui est otée: une élection inattendue le jette sur un théâtre, où il est sûr de ne jouer aucun role, repoussé d'avance par la majorité des spectateurs[1]), étranger presqu'à tous ses camarades de scène (craint ou haï par les uns, non compris ou soupçonné de Jesuitisme par les autres) il n'aura d'autre moyen pour servir la bonne cause, que de se cacher dans le trou du souffleur pour aider quelqu'un à bien reciter leur role sur les planches. Mais il n'a pas hesité un moment d'accepter cette nouvelle couronne d'épines; il a quitté sa tranquille retraite, sa famille, ses occupations pour se dévouer à une activité, qui ne lui présente aucune chance de succés, et qui le place dans des rapports, qui repugnent à sa nature et contractent douloureusement avec toutes ses habitudes. Et c'est dans cette situation, qui aurait découragé tout autre âme que la sienne, qu'il est encore tout à coup condamné à trembler sur le sort de tous les siens: sa famille menacée par l'émeute des paysants est forcée de quitter la campagne, qui lui servait de retraite, et il ne peut aller les rejoindre, il est cloué à son poste, à des occupations, qui ne peuvent soularger par rien son âme, remplie d'inquiétude sur ce qui peut arriver à sa femme et à ses enfants. Telle est, Sire, la situation de votre Radowitz — je dis votre parceque dans tout l'univers il n'existe pas d'âme plus attachée à vous que la sienne. Le spectacle, que me presente cette âme, si ferme humainement et si humble chrétiennement devant l'adversité, me remplit d'un saint respect. J'ai vu Radowitz après qu'il a enterré sa fille; je le revois à présent sous le fardeau des epreuves qui le frappent cruellement dans tout ce qui est le plus cher à son âme et à toute âme humaine — très bien! Si Dieu me permettait de lui demander quelque biens de mon choix, je ne lui demanderais autre chose que ces epreuves, à condition d'avoir cette même âme pour les supporter.

Toutefois je crois de mon devoir de signaler ou, pour mieux dire, de dénoncer à Votre Majesté la situation de Radovitz. Si, de son coté, il reste si fermement resigné à la volonté de Dieu, ses amis, tout en admirant cette résignation, sont obligés de faire tout ce qui dépend d'eux pour lui alleger le poids de l'adversité: ce devoir d'activité est même ordonné à eux par celui, qui ordonne à lui d'être tranquille dans sa résignation. Je me décide donc, au risque de commettre une incovenence, à ouvrir mon coeur devant votre Majesté, en vous suppliant en même temps de me garder le secret: ce que je fais doit rester et restera toujours inconnu à Radovitz. Je trivialiserais cette grandeur, à laquelle il est parvenu, et dans laquelle il persévère avec un calme si admirable, par des soins et des soucis, qui sont bien loin de son âme uniquement remplie d'abandon dans la volonté divine. Je dis donc



В. А. Жуковскій. Съ акварели Е. Рейтерна.

à vous, Sire, que Radowitz est menacé de misère complette: il n'a pas encore de nouvelles de sa pension; les petites épargnes, qu'il a pu faire jusqu'ici, ne suffiront pas à lui donner le pain quotidien et même ce peu de chose doit être probablement dépensé en partie pour pourvoir à l'existence de sa famille, obligée de fuir (si l'émeute dans le pays de Mechlembourg devient plus générale); ses moyens de vivre à Francfort pendant la durée de l'assemblée générale ne sont autre chose, que les trois écus par jour, que chaque député doit recevoir comme tel; déjà il doit se séparer de son domestique et de donner congé à la femme, qui jusqu'ici a soigné ses enfants. Et l'éducation de ses enfants? Et s'il retombe malade, comme il l'a été?... Il dit qu'il a tout calculé pour supporter les privations et pour avoir le stricte nécessaire — je le crois, mais les petits soucis de chaque jour, compagnons constants de la misère, sont tuants, plus tuants même que les grandes adversités. En présentant tout cela à l'attention de Votre Majesté Royale, je crois remplir un devoir sacré, autant vis-à-vis mon ami, que vis-à-vis vous même, Sire, intimement persuadé que Votre Majesté me saura gré de m'adresser à Elle avec tant de franchise.

Voici ce que j'ose proposer à Votre Majesté: il faut donc à Radowitz, une fois pour toutes, une somme qui constituerait un capital, dont les petits intérêts assureraient le pain quotidien de sa famille. Dans les circonstances présentes, si je ne me trompe, il est impossible que Votre Majesté accorde publiquement un don quelquonque à Radowitz, dont le nom est si injustement impopulaire en Allemagne. Voici mon projet: il faut que la somme, que vous jugerez à propos de destiner à Radowitz passe par mes mains; et — pour que cela même ne produise aucune sensation dans le public — il faut, que je reçoive cette somme comme payement; à cet effet je propose à Votre Majesté de m'acheter une collection des dessins originaux, qui par hasard se trouve à présent avec moi. Cette collection ne m'a rien couté; je l'ai payé, si vous voulez, de ma poche, mais pas de mon argent, car, pendant le voyage, que j'ai fait avec le Grand Duc Héritier par l'Europe, ayant conservé tous mes appointements et n'étant pas obligé de faire aucune dépense pour la route, j'ai eu les moyens de Crésus pour faire cette collection, qui dans ce moment est pour moi un objet de luxe, et qui deviendra mon plus cher trésor, si Votre Majesté daignera consentir à ce qui suit: Je joins ici le régistre des dessins en question, les prix de ceux que j'ai payé argent comptant y sont marqués; il y a parmi eux beaucoup d'autres, que j'ai reçu en cadeau. Daignez, Sire, m'acheter cette collection, en taxant vous même ceux, qui n'ont pas été payés et en ajoutant autant que vous voudrez à la somme qui en resultera. De cette manière Votre Majesté pourra ostensiblement m'envoyer toute la somme, qui ne sera aux yeux du public qu'un payement, qu'un secours que Votre Majesté m'aura accordé; et je remettrai cette somme en entier à Radowitz [2]). De cette manière Vous deviendrez, Sire, mon plus grand Bienfaiteur, en m'associant à Vous dans une circonstance qui me touche de si près; j'aurai donc, en rassemblant ces feuilles volantes, preparé, sans le savoir, le moyen d'assurer l'avenir d'un ami et cela de concert avec vous, Sire, qui êtes et serez toujours l'être que j'aime de prédilection. Si Votre Majesté daigne accepter ma proposition, je la supplie de vouloir bien ordonner que quelqu'un arrive recevoir de moi la collection en question; je me trouve à présent à Ems, ou je reste jusqu'au 15 Juillet. En même

temps il sera nécessaire que Votre Majesté daigne m'écrire une lettre qui doit être montrée à Radowitz, et dans laquelle il sera dit que Votre Majesté me charge de remettre la somme envoyée à sa destination; car s'il faut éviter de mettre le Public dans notre secret, il faut encore plus que Radowitz n'en sache rien, il faut pardessus tout lui conserver son plus cher bien: la conscience de n'avoir rien recherché pour soi et d'avoir sans aucune inquiétude sur l'avenir, sans aucune vue d'interêt personnel, obéi en tout à la volonté de Dieu. Il connait ma collection; il faut qu'il ignore toujours l'usage que j'ai dû en faire. Quant à l'achat même de cette collection, il est indispensable pour deux raisons: premièrement, sans lui le secret de l'envoi de l'argent et de sa destination ne pourra pas être dérobé au public; sécondement, il l'est encore plus pour moi personellement, il l'est pour que j'aie le bonheur précieux de devenir pour le reste de ma vie inséparable de Votre Majesté dans le souvenir d'un bienfait, que votre magnanimité aura placé sur une tête si digne de toutes vos bénédictions.

Quant à Vous même, Sire, je vous bénis sur cette voie douloureuse, que la Providence a ouverte devant vos pas. Quelle couronne d'épines. Amour de la justice, pureté d'âme, désir ardent du bien de l'humanité et de celui de votre peuple, génie superieur, projets magnifiques pour le présent et pour l'avenir, vie royale sous la loi de Dieu — tout cela fut envain, envain devant les hommes, mais non devant le Seigneur. Et dans ce moment quel heroïsme de résignation au milieu des ruines de tout ce qui fesait les plus chères espérences de votre âme royale. Je vous bénis, Sire, vous êtes le saint martyre de notre monstrueux siècle; vos souffrances présentes, ce sacrifice continuel de soi même, sont à mes yeux plus grands, que ne l'aurait été même votre triomphe, d'autant plus grands, que vos contemporains, qui ont commencé par ne pas vous comprendre et qui ont fini par vous calomnier, ne leur rendront pas justice, que même l'histoire pourra ne pas être eclaircie sur ce que vous êtes; mais vous avez un autre historien — qui sait tout, qui voit tout, devant qui les peuples et les empires ne sont rien, qui ne tient régistre que des faits de l'âme humaine, cet historien — c'est Dieu. En acceptant votre sacrifice il vous donnera la force de persévérer jusqu'à la fin; chaque jour je le prie pour Vous.

Avec le plus profond respect de votre Majesté royale le très humble serviteur

JOUKOVSKY.

Ems.
7 Juin 1848.

№ 11.

Приложение [1]).

PORTEFEUILLE № I. PEINTRES RUSSES.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Friqque	Paysage	1	—
Tschernik	Vue de Venise	1	—
Giwago	S-te Famille	1	—
Nikitine	Porte de Constantin	1	—
Dournow	Eglise de St. An.	1	—
Schuppe	Annonciation	1	—
"	Tête d'un vieillard	1	—
Richter	Eglise de Clement	1	—
"	La femme du brigand	1	—
Lebedev	Paysage	1	—
"	Une figure de femme	1	—

[1]) Нѣсколько фамилій художниковъ и названій картинъ остались неразобранными.

Sobolefsky	Une figure d'après Caravage (?)	1	190
Ivanoff	St. Jean Baptiste	1	—
„	Les fils de Jacob	1	—
„	Une scène à Rome (Sous verre).	1	—
Kollman	Groupes	1	—
„	Paysage	1	—
„	Paysage	1	—
		18	190

PORTEFEUILLE № II. PEINTRES RUSSES.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Schevschenko	Portrait de Kriloff	2	150
„	Une scène		
Worobiev	Paysage	1	—
Sternberg	Un mendiant	1	—
„	Une foire	1	—
„	Le bivouak de Perovsk	1	—
Tschernetzov	Darial	1	—
Nef	Psysché	1	—
„	Une esquisse à l'huile	1	—
Senff	Paysage	1	25
„	Paysage	1	—
Clara	Paysage à l'encre de Chine	1	—
„	Paysan à la plume	1	—
„	Vue d'Ems	1	—
„	Vue de Dresde	1	—
„	Vue de Lion	1	—
„	Vue des Alpes	1	—
„	Lago Maggiore	2	—
Maydell	La (?)	1	100
„	La Romance	1	100
Sanre...	Les Manoeuvres	1	—
„	Une Cavalcade	1	—
„	Portraits des marins	20	—
„	Les vues des monuments d'Egypte à la plume	1	—
Garwasoffsky	Une vue d'Italie	1	—
„	La mer	1	—
„	Un matelot	1	—
		46	375

PORTEFEUILLE № III. PEINTRES RUSSES.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Venetzianov	Un garçon (lit. color.)	1	—
Martos	Projet d'un monument	1	
Thomon	Une figure assise	1	—
Kugelchen	Une vue de Crimée	1	—
Alex. Brulow	Vue de Sorrento	1	—
Orrloffsky	Un guerrier	1	—
„	Une tête de vieillard	1	—
„	Un bivouac des Cosaques	1	—
„	Un Baschkire	1	—
„	Une main	1	—
„	Une tempête (sous verre)	1	—
„	Une scène militaire	1	—
Kiprensky	Une figure académique	1	—
Legoròff	Fuite en Egypte	1	—
„	Les jours de la création	8	—
Brouni	La Trinité	1	—
„	Un Ange	1	—
„	L'intercession de la St. Vierge	1	—
„	St. Michael	1	—
Charles Brulow	Le dernier jour de Pompeya (esquisse)	1	300
„ „	L'assomption de la Vierge (sous verre)	1	—
		28	300

PORTEFEUILLE № IV. PEINTRES ITALIENS.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Delerc	Portraits au crayon	8	—
Inconnu	Villa Volchonsky	1	—
Toncy	Medée (lith. par lui même)	1	—
Morelli	Esquisses	3	—
Cervolin	Roland	1	—
Sanguinelli	Jeanne d'Arc	1	—
„	Une madonne	1	110
Markesi	Un enfant	1	—
Besondi	La mort de Barberousse	1	—
„	Une madonne	1	—
Gillio	Une vue de Venise	1	—
„	Paysage	1	—
Schiavoni père	La mélancholie	1	—
Schiavoni fils	Rafael	1	—
Lipoune	Un palicare	1	60
Dusi	La mort de St. Martin	1	60
Bianquini	Francia (sous verre)	1	—
Pinelli	Une Bachanale	1	—
„	Un groupe	1	—
„	Une scène à Naples	1	
Camussini	La Sainte Cecile	1	—
„	Un triomphe	1	—
Minardi	Vision du Tasse (sous verre)	1	—
„	L'ange de la mort	1	100
Migliara	Une vue de Venise	1	88
		34	708

PORTEFEUILLE № V. PEINTRES FRANÇAIS.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Valerio	Une fille	1	20
„	Un fumeur	1	25
Nasch	S. Valéry	1	—
Fleury	Une figure assise	1	
Viard	Paysage	1	80
Beaume	Une scène d'école (sous verre)	1	100
Perlet	Les joueurs	1	—
Charlet	Un philosophe	1	60
Garneray	Une vue de ville	1	54
Gué	Paysage	1	—
Villaice	Une esquisse	1	—
Fragonard	Une scène	1	60
Belangé	Un pêcheur	1	76
Roqueplar	Un capucin	1	132
Finard	Marche dans le désert	1	—
T. Fournican	Esmeralda	1	176
Mozin	Une marine	1	188
Leop. Robert	Un pêcheur	1	
Gudin	Une marine	1	132
H, Vernet	Une esquisse au crayon	1	—
		20	1103

PORTEFEUILLE № VI. PEINTRES ALLEMANDS A ROME

Noms des p.		Nombre	Prix.
Ellsassec	La pyramide de vestins	1	100
Guillin	Une ruine	1	—
Nerly	Les pocci à Venise	3	120
„	Un groupe	1	20
„	Une vue de Venise	1	20
Kayserman	Paysage	1	
Lotsch	Une fuite en Egypte	1	—
„	Descente de la croix	1	—
Corrody	Villa d'Esti (sous verre)	1	150
Kipenchur	L'amour poète	1	100
Gatel	Un cloître à l'encre	1	20
„	Une vue de Rome, à l'encre	1	—
„	Le Vesuve, à l'encre	1	—
Comtesse Egloffstein	Un mendiant	1	—
Wittmer	Une scène Turque	1	200
„	Fuite en Egypte	1	110
Koch	Un sujet de Datio Une fuite en Egypte	2	250
Overbeck	David en Exil Retour de David	2	700
Klenzel	Paysage	1	—
		23	1970

PORTEFEUILLE № VII. PEINTRES ALLEMANDS

(à Carlsruhe, à Dresde, à Munich).

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Becker	Intérieur d'eglise	1	250 (pour 7)
Eisenlör	Venise	1	
Mösburger	Un enfant endormi	1	
Frommel	Terracine	1	
„	Gênes	1	
„	Paysage	1	
„	La vue de Tyrol	1	
Arnold	Fleurs	1	—
Friedrichs	Fleurs	1	—
Friedrich	Marine à la plume	1	50
„	Paysage	1	100
„	Les epoques de la vie	7	600
„	Un chouette sur un...	1	250
„	Vues de Rhügen	40	530
Rothman	Jeux olimpiques	1	—
„	Une vue de la G. (sous verre)	1	850 (pour 5)
Henr. Hess	Une Madonne	1	
Cornelius	...... (sous verre)	1	
„	Esquisse au crayon	1	
P. Hess	Une vue de Tivoli	1	
Heydegger	Combat turc	1	—
Ecquert	Une marine	1	—
„	Un combat	1	—
Schnorr	Une scène des Niebelungen	1	170
Schwantaler	Esquisse à la plume	15	
Kaulbach	Wallenstein	1	150
Diez	La bataille de Lutzen	1	—
Vogel	Une scène à la plume	1	150
Dahl	Une esquisse	1	40
Neer	Scènes de D. Carlos	1	20
Preller	Paysage	1	20
Simon	Une arabesque	1	70

PORTEFEUILLE № VIII. PEINTRES ALLEMANDS A VIENNE.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Raufel (?)	Une fille avec un chat	1	—
Stellfeld	Esquisse	1	—
Danhauser	Une tetê de vieillard	1	—
Fendy	Esquisse	2	40
Klein	Un cheval	1	30
Schnorr	Jésus et les apotres	1	100
„	L'annonciation	1	100
Kobell	Paysage	1	—
Steinle	Jacques et l'ange	1	150

Fürich	Les Hebreux à Babylone (sous verre)	1	50
„	Le triomphe du Christ	11	500
„	L'ange et les bergers	1	100
„	La Trinité	1	125
Fischbach	Une bergère	1	
Ranfte	L'intérieur d'une église	1	
Wagner	Un bois	1	} 260
Schmoler	Une halte de soldats	1	
Kobell	Un paysage avec des figures	1	154
		29	1609

Steinbruck	Psyché	1	} 3250
Jordan	Scène d'église (sous verre)	1	
Lessing	Les croisés (sous verre)	1	400
„	Un paysage (sous verre)	1	300
Düger	Une madonne	1	120
Scheuren	Paysage	1	100
Narenz	Un mendiant	1	160
Dielman	Une vendange	1	150
Schall	Une madonne	1	100
Lehman	Les fruits	1	—
Lugensky	Une vue de Tyrol	1	—
Beudemann	Une esquise	1	—
		43	4730

PORTEFEUILLE № IX. PEINTRES ALLEMANDS. Dusseldorf.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Launitz	Une nuit	1	—
Veit	Une parabole	1	150
Rösel	Une vue d'Ems	1	—
„	Une vue de Nassau	1	—
Grashof	Un combat	1	—
Breslauer	Rheinstein	1	—
M-e Stilke	Une arabesque	1	—
Kretschmer	Les adieux	1	—
Hildebrand	La veille de noël	1	—
Hubner	Job	1	—
Schadow	Descente de la croix	1	—
Dielman	Une esquisse au crayon	1	—
Rhetel	La Nemesis	1	—
Trautschold	Tombeaux antiques	1	—
Nordheim	Germania	1	—
Wiegman	Un paysage	1	
Solm	Les chanteurs	1	
Heubel	Le (?)	1	
Ritter	Scène d'auberge	1	
Mücke	St. Wladimir	1	
Pluddeman	Colomb mourant	1	
Dielman	Un prêtre avec des enfants	1	
Ebers	Un bivouac	1	} 3250
Köler	Les trois mariés	1	
Becker	Un paysan	1	
Sonöerland	Les bohémiens	1	
Achenbach	Une tempête	1	
Schrödter	Un voiturier	1	
Stilke	Les croisés	1	
Schirmer	Intérieur d'un bois	1	

№ X PEINTRES HOLLANDAIS ET AUTRES.

Noms des p.		Nombre.	Prix.
Wappers	Esquisse	1	—
Waldoop	Une marine	1	60
Küseman	Une scène	1	90
Klein	Un paysage	1	70
Bosboom	Interieur d'église (sous v.)	1	100
Eckhoot	Une danse (sous verre)	1	120
Schelfoot	Schéveningen (sous verre)	1	160
„	Un paysage	1	—
„	Une esquisse	1	—
Neyen	Une tempête	1	140
Schotel	Une marine	1	150
Kochoch	Un paysage (sous verre)	1	250
Krause	Reichenbach	1	—
Feigar	Eberstein	1	—
„	Une vue de Tyrol	1	—
Töpfer	Un paysage	1	—
Meyer	Reichenbach esquisse	1	—
Villenewe	Paysage	1	—
Mensan	Vue italienne	1	—
Calam	Paysage	1	—
Lorg	L'église de Montreux	1	—
„	Un paysage	1	120
		22	1260
		354	15554 francs.

№ 11.

Переводъ.

Государь!

Совсѣмъ особенный и несвоевременный шагъ, на который я рѣшаюсь настоящимъ моимъ письмомъ, подсказанъ мнѣ сознаніемъ моего

святѣйшаго долга. Я выступаю смѣло, будучи увѣренъ въ одобреніи съ Вашей стороны, чья душа — вмѣстилище высочайшихъ добродѣтелей и самой чистой доброты. Я хочу обратить вниманіе Вашего Величества на Радовица. Удаленному отъ Васъ стеченіемъ обстоятельствъ, все перевернувшихъ, ему не представлялось случая изложить Вамъ свое положеніе; впрочемъ, онъ и не сдѣлалъ бы этого, даже если ему и представилась возможность подобнаго объясненія. Я встрѣтилъ его во Франкфуртѣ, въ ноябрѣ 1847 г., когда, по волѣ Вашего Величества, онъ возвращался въ Берлинъ. Тогда онъ свѣтло смотрѣлъ на жизнь. Но, встрѣтивъ его тамъ же, почти черезъ мѣсяцъ, я замѣтилъ въ немъ полный упадокъ духа. Карьера его круто оборвалась, онъ разлученъ со своимъ государемъ, которому, въ дни невзгодъ, онъ преданъ сердцемъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Дѣятельность его парализована; у него отнята даже возможность спокойнаго, безвѣстнаго прозябанія въ семейномъ кругу, среди научныхъ занятій. Неожиданное избраніе выбросило его на сцену, гдѣ ему не придется исполнять никакой роли. Большинство зрителей отъ него отворачиваются [1]), почти всѣ сотоварищи чужды ему: одни боятся или ненавидятъ его, другіе не понимаютъ или подозрѣваютъ его въ іезуитствѣ. Ему не остается другого способа служить доброму дѣлу, какъ только запрятаться въ суфлерскую будку и оттуда подсказывать роли. Но Радовицъ не остановился ни на минуту передъ терновымъ вѣнцомъ; онъ промѣнялъ свою тихую семейную жизнь и свои занятія на дѣятельность, заранѣе обреченную на неуспѣхъ и противорѣчащую, по своему характеру, его натурѣ и несвойственную всѣмъ его понятіямъ. Такое положеніе дѣла подорвало бы бодрость во всякомъ другомъ человѣкѣ, но только не въ Радовицѣ, который вдобавокъ принужденъ тревожиться за своихъ близкихъ. Крестьяне той мѣстности, гдѣ жилъ Радовицъ въ отставкѣ, теперь враждебно настроены къ его семьѣ, поставленной въ необходимость уѣхать оттуда, а онъ лишенъ возможности быть вмѣстѣ со своими домашними. Радовицъ прикованъ къ своему посту, погруженъ въ занятія, которыя не могутъ дать ему никакого нравственнаго удовлетворенія, полонъ безпокойства за жену и дѣтей. Вотъ, Государь, въ какомъ положеніи теперь Вашъ Радовицъ. Я говорю **Вашъ**, потому что во всемъ мірѣ не сыскать человѣка, привязаннаго къ Вамъ болѣе, нежели онъ. Когда я взираю на эту душу, столь мягкосердечно и христіански настроенную къ своимъ противникамъ, я преисполняюсь глубокимъ къ ней благоговѣніемъ. Я видѣлъ Радовица послѣ похоронъ его дочери, я вижу его теперь подъ тяжелымъ бременемъ, готовымъ раздавить все дорогое какъ ему, такъ и всякой человѣческой душѣ. Отлично! Если бы Господь предоставилъ мнѣ выбрать для меня какое-либо благо, я попросилъ бы себѣ всѣ невзгоды Радовица, только съ тѣмъ, чтобы обладать и его стойкимъ характеромъ.

Во всякомъ случаѣ я почитаю своею обязанностью указать Вашему Величеству на теперешнее положеніе Радовица. Если самъ онъ остается въ такомъ полномъ подчиненіи волѣ Божьей, то друзья его, уважая такое смиреніе, все же должны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы облегчить бремя его тяжелаго состоянія. Вѣдь подобная заботливость предписывается имъ и Тѣмъ, Который возложилъ на Радовица обязанность смиренія. Невзирая на рискъ подвергнуться обвиненію въ неумѣстности, я осмѣливаюсь раскрыть предъ Вашимъ Вели-

чествомъ свое сердце, убѣдительно прося въ то же время сохранить все это въ тайнѣ отъ Радовица. Своими попеченіями и состраданіемъ я омрачилъ бы то величіе духа, въ коемъ пребываетъ теперь Радовицъ, покорный Божественной волѣ и далекій отъ волнующихъ меня чувствъ.

Я говорю Вамъ, Государь, что Радовицу угрожаетъ бѣда съ разныхъ сторонъ. До сихъ поръ онъ не знаетъ ничего опредѣленнаго о назначенной ему пенсіи. Скромныхъ его сбереженій, которыя онъ могъ сдѣлать до сихъ поръ, не хватаетъ ему даже для насущнаго хлѣба, да и это немногое придется, вѣроятно, раздѣлить на нѣсколько частей, чтобы обезпечить возможность существованія его семьѣ, которая будетъ вынуждена бѣжать изъ Мекленбургской провинціи (если безпорядки тамъ разрастутся). Во Франкфуртѣ, въ періодъ парламентскихъ засѣданій, онъ можетъ проживать въ день только по три экю, получаемыхъ имъ въ качествѣ депутатскаго содержанія. Онъ принужденъ уже отказать своему слугѣ и временно разсчитать гувернантку своихъ дѣтей. А образованіе ихъ? А заболѣй онъ, какъ это случилось уже разъ?... Я вполнѣ вѣрю ему, что онъ ограничилъ свои потребности до предѣловъ возможности, но мелкія заботы о насущномъ хлѣбѣ — неразлучные спутники бѣдности, болѣе отравляютъ жизнь, чѣмъ крупныя несчастья. Представляя все это на благовоззрѣніе Вашего Величества, я считаю выполненнымъ свой священный долгъ какъ по отношенію къ моему другу, такъ и по отношенію къ Вамъ, Государь. Я твердо убѣжденъ, что Ваше Величество будете мнѣ благодарны за мое откровенное письмо.

Я осмѣливаюсь представить Вашему Величеству слѣдующій планъ. Слѣдовало бы выдать Радовицу единовременно, разъ на всегда, сумму, небольшіе проценты съ которой обезпечивали бы скромное существованіе его семьи. Если я не ошибаюсь, при настоящихъ условіяхъ, Вашему Величеству невозможно г л а с н о ассигновать какое-нибудь пособіе Радовицу, имя котораго совершенно незаслуженно не пользуется въ Германіи симпатіей. Поэтому слѣдуетъ устроить такъ, чтобы деньги, въ томъ размѣрѣ, какой Вамъ благоугодно будетъ назначить Радовицу, дошли до назначенія черезъ меня. А чтобы не давать пищу толкамъ въ публикѣ, нужно, чтобы я получилъ эти деньги въ качествѣ какой-нибудь платы; съ этой цѣлью я предлагаю Вашему Величеству пріобрѣсти у меня собраніе оригинальныхъ рисунковъ, случайно оказавшихся въ настоящее время у меня. Собраніе это мнѣ ничего не стоитъ; заплатилъ я за него, если Вамъ угодно знать, изъ своего кармана, но не своими деньгами, ибо, во время путешествія по Европѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, я, будучи свободенъ отъ всякихъ путевыхъ издержекъ, какъ Крезъ, получилъ возможность собрать эту коллекцію. Собраніе это въ настоящее время является для меня предметомъ роскоши и станетъ уже положительно сокровищемъ, если Вы удостоите использовать его, какъ я предлагаю. При этомъ письмѣ я прилагаю списокъ рисунковъ, указывая стоимость каждаго; въ числѣ купленныхъ рисунковъ есть много и подаренныхъ мнѣ. Не откажите, Ваше Величество, пріобрѣсти у меня ихъ всѣ, разцѣнивъ тѣ, которые достались мнѣ даромъ; къ получившейся суммѣ Вы, можетъ быть, прибавите еще нѣкоторую, по Вашему желанію.

Такимъ путемъ Ваше Величество можете открыто препроводить мнѣ деньги, которыя для публики будутъ ничто иное, какъ плата за покупку,

какъ помощь мнѣ, а я передамъ эту сумму полностью Радовицу [2]). Благодаря всему этому, Ваше Величество явитесь величайшимъ моимъ благодѣтелемъ, дѣйствуя заодно со мною при обстоятельствахъ, такъ близко меня касающихся. Собирая въ свое время отдѣльныя картинки, я, самъ того не подозрѣвая, подготовилъ способъ обезпечить будущее одного изъ моихъ друзей, при содѣйствіи, со стороны Васъ, существа, которое я люблю всей душой. Если Ваше Величество соблаговолите принять мое предложеніе, то я попрошу Васъ прислать кого нибудь за этой коллекціей. Сейчасъ я въ Эмсѣ и пробуду здѣсь до средины іюля. Необходимо также, чтобы Ваше Величество написали мнѣ письмо, которое я могъ бы показать Радовицу. Въ немъ желательно написать, что Ваше Величество уполномачиваете меня получить сумму, назначенную для Радовица. Ибо, если приходится считаться съ необходимостью сокрытія нашей тайны отъ публики, то еще болѣе слѣдуетъ оставить въ неизвѣстности самаго Радовица, дабы онъ могъ сохранить самое дорогое для него — сознаніе, что онъ никогда ничего не домогался для себя лично, и никогда не заботился о черномъ днѣ, все предоставляя Промыслу Божію. Мое собраніе ему извѣстно; слѣдуетъ приложить стараніе, чтобы ему осталось неизвѣстнымъ, какъ я использовалъ его. Что же касается до фактической продажи его, то она безусловно необходима по двумъ соображеніямъ. Во первыхъ, безъ нея нельзя будетъ скрыть отъ общества передачу мнѣ денегъ и ихъ назначеніе. Во-вторыхъ, въ ней еще болѣе нуждаюсь я самъ, такъ какъ, благодаря этому, я получу возможность провести остатокъ моей жизни въ утѣшеніи воспоминаніемъ о благодѣяніи, которое было оказано Вашимъ Величествомъ лицу, достойному всѣхъ Вашихъ милостей.

Я благословляю Ваше Величество на скорбный путь, уготованный стопамъ Вашимъ волею Провидѣнія! Вѣнецъ Вашъ богатъ терніями! Любовь къ справедливости, чистота душевная, пламенное доброжелательство ко всему человѣчеству вообще и къ своему народу въ частности, высокій геній, превосходные планы въ настоящемъ и на будущее, жизнь короля по законамъ Бога — все это оказалось ненужнымъ на семъ свѣтѣ, но все это оцѣнено Господомъ. Какой героизмъ смиренія обнаруживаете Вы, Ваше Величество, въ то время, когда рушатся самыя дорогія надежды Ваши. Я благословляю Васъ, Государь, Вы святой мученикъ нашего чудовищнаго вѣка. Ваши страданія, — это непрерывное жертвоприношеніе самого себя, — въ моихъ глазахъ болѣе велики, чѣмъ даже Ваши тріумфы. Они тѣмъ болѣе велики, что современники Ваши, начавшіе съ непониманія Васъ и кончившіе оклеветаніемъ Васъ, не отдадутъ имъ должное. Сама исторія не освѣтитъ Васъ такимъ, каковы Вы на самомъ дѣлѣ. Но у Васъ есть другой лѣтописецъ; Онъ все знаетъ и все видитъ. Предъ Нимъ и народы и царства — ничто. Онъ ведетъ запись только движеніямъ человѣческой души. Этотъ лѣтописецъ — Богъ. Ваша жертва угодна Ему и онъ дастъ Вамъ силу претерпѣть до конца. Каждый день я молюсь Ему за Васъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Королевскаго Величества покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

Эмсъ.
7 іюня 1848.

№ 11.

Примѣчанія.

1. Непопулярность Радовица въ Германіи, боровшейся за обновленіе и объединеніе, обусловливалась той позиціей, которую онъ занялъ въ этой борьбѣ, ставъ на старину представителей консерватизма и клерикализма.

2. Подобныхъ случаевъ такой безграничной доброты со стороны Жуковскаго, когда онъ жертвовалъ и своими личными средствами, было не мало. См., напримѣръ, у Зейдлица въ его біографіи Жуковскаго. (Спб. 1883 г.).

№ 12.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

18 Сент. 1848.
Санъ-Суси.

Cher et tendrement aimé Joukowsky.

Vous saurez déjà, que l'affaire de la pension de retraite de notre ami [1]), a été reglée depuis Votre lettre. Je trouve le montant de la pension au dessous de toute critique. Il est le resultat de ce „besoin d'injustice", qui fait l'essence de la vie du libéralisme. Pour le moment, il n'y a rien à faire. Dieu sait, que j'ai fait tout ce que j'ai pu, pour épargner cette tache à mon, „soi-disant, règne"! Mais c'est en vain. L'ami a 2250 thalers de pension! Dites moi franchement, cher et excellent ami, cela suffit-il à son existence? Votre généreux et noble projet, qui ne pouvait sortir dans toute l'Europe que de Votre coeur seul, n'est, certes, plus nécessaire de réaliser. Mais j'ajouterai de grand coeur quelques centaines d'écus par an à la pension, sur ma cassette, si Vous le jugez nécessaire et s'il y a moyen de les faire accepter à notre cher et digne ami, qui parfois a la tête de marbre. Il m'importe beaucoup de savoir la vérité d'une chose, que l'on m'a affirmée à plusieurs reprises de la manière la plus positive de la part du département et à laquelle néanmoins je me prends la liberté de ne pas croire jusqu'à ce que je n'aie la confirmation par l'ami lui-même. — C'est que la caisse du département lui à payé bis Heller und Pfennig, tout son salaire jusqu'au jour où sa pension lui a été annoncée. Veuillez, de grâces cher ami, me procurer la certitude sur la vérité ou le mensonge de cette assertion. Cela serait à peu près 6000 thalers et lui serait sans doute de quelque ressources. Jusqu'au mois de mai il n'avait pas reçu une obole. Je sais cela de lui même. Faudrait donc, que la dite caisse eut fait depuis Juin un effort surnaturel pour remplir son devoir. Mais, „le habitus", du misérable qui gérait dans ce temps là les affaires étrangères m'est presque garant, que la chose ne s'est pas faite.

Ah! cher et digne Joukowsky, quels temps et quelle engeance, que celle qui règne et qui fait régner!!!

Unissez Vos ferventes prières aux miennes, pour, que Dieu ait pitié de nous! qu'Il bénisse mes choix et mes projets. Ma patience est à boût. Je me relève de ma chute, ou pour tomber à jamais ou — si Notre Seigneur m'est sécourable — pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne.

„Das Gebet des Gerechten vermag viel". C'est ma fière et sainte parole. Ich bin voll Gottvertraun. Vale [2]).

. . . .

P. S. J'ai eu l'espoir secret de Vous voir à Cologne. C'est bien, bien triste, que Vous n'y êtes pas venu. La fête dans l'incomparable Cathédrale était miraculeusement belle. C'était un grand jour. Un beau jour. Allez'y pour voir cette nef rendue au Culte et s'élevant à la hauteur de 100 pieds. Et si la forme du culte qu'on y célèbre n'est ni celle du votre, ni celle du mien, c'est toujours le santissimus nom de Notre Seigneur qu'on y adore, et cela fait un bien ineffable à l'âme, que se dessèche sous le souffle homicide des misérabilités colossales et destructives d'un temps, que veut tant et qui ne peut rien; d'un temps qui n'a pour seule excuse que son plus abominable péché — l'apostasie!

№ 12.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

18 Сентября 1848 г.

Переводъ.

Дорогой, нѣжно любимый Жуковскій!

Вы уже знаете, что дѣло о назначеніи пенсіи нашему другу [1]) получило надлежащее направленіе послѣ Вашего письма. Я нахожу назначенную цифру ниже всякой критики. Вотъ результатъ того тяготѣнія къ несправедливости, который составляетъ жизненную сущность либерализма. Въ данный моментъ ничего нельзя подѣлать. Видитъ Богъ, я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ для борьбы съ этимъ зломъ моего „такъ называемаго царствованія". Но изъ этого ничего не вышло. Итакъ, нашъ другъ получаетъ 2,250 талеровъ пенсіи. Скажите откровенно, дорогой другъ, достаточно ли такой суммы для его существованія? Вашъ великодушный и благородный планъ, который, во всей Европѣ, могъ зародиться только въ Вашемъ сердцѣ, навѣрно, не нуждается теперь въ осуществленіи. Но, если Вы найдете нужнымъ, то я съ большимъ удовольствіемъ прибавлю къ его пенсіи нѣсколько сотъ экю въ годъ изъ собственныхъ средствъ. Удастся ли только найти способъ заставить нашего дорогого и достойнаго друга принять ихъ; по временамъ вѣдь онъ бываетъ непреклоненъ.

Мнѣ очень хочется убѣдиться въ достовѣрности слуха, неоднократно передававшагося мнѣ въ самой положительной формѣ изъ департамента, которому я не могу вѣрить, пока не получу подтвержденія отъ самого друга. Дѣло въ томъ, что якобы изъ кассы департамента ему производилась выдача полностью всего его жалованья, вплоть до дня назначенія ему пенсіи. Будьте добры, дорогой другъ, провѣрить, правильно или ложно такое утвержденіе. Всего это составило бы почти 6,000 талеровъ и было бы ему, безъ сомнѣнія, нѣкоторою поддержкою. До мая онъ не получалъ ни гроша. Я знаю это отъ него самого.

Вѣдь упомянутой кассѣ нужно было бы проявить, начиная съ іюня, сверхестественныя усилія для выполненія своихъ обязательствъ. Весь образъ поведенія бѣдняги, руководившаго тогда иностранными дѣлами, служитъ почти ручательствомъ для меня, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было.

Ахъ, дорогой и почтенный Жуковскій, какія времена, какая порода людей, и правящихъ, и управляемыхъ!!!!!

Молитесь вмѣстѣ со мною, да смилуется надъ нами Господь и да благословитъ онъ мой выборъ и мои начинанія! Мое долготерпѣніе на исходѣ. Я оправляюсь отъ своего паденія, съ тѣмъ, чтобы или опять рухнуть, но уже навсегда, или, съ помощью Божьею, начать новую эру для Пруссіи и Германіи. „Молитва праведника многаго достигаетъ“. Вотъ мой великій и святой лозунгъ. Я весь полагаюсь на Бога. Будьте здоровы [2]).

. . . .

P. S. Я питалъ тайную надежду встрѣтиться съ Вами въ Кельнѣ. Очень, очень жаль, что Вы не пріѣхали туда. Празднество въ дивномъ соборѣ прошло чудесно. То былъ великій день, прекрасный день. Съѣздите туда посмотрѣть этотъ нефъ [3]), воздвигнутый для богослуженія, вышиною до ста футъ. И если совершаемый тамъ обрядъ чуждъ и Вамъ и мнѣ, то во всякомъ случаѣ въ немъ восхваляется святѣйшее имя нашего Господа, и одно это ужъ неизрѣченное благо для души, изсушаемой убійственными несчастіями нашего времени, которое всего желаетъ и ничего не въ состояніи сдѣлать, времени, имѣющаго для самооправданія только свой собственный отвратительный грѣхъ — отступничество.

18 сентября 1848 г.
Санъ-Суси.

№ 12.

Примѣчанія.

1. Рѣчь идетъ о Радовицѣ, относительно матеріальнаго обезпеченія котораго Жуковскій предложилъ свой проектъ Фридриху-Вильгельму въ предыдущемъ письмѣ (см. № 11).

2. Конецъ листа съ подписью Короля оторванъ, очевидно, имъ самимъ изъ боязни, что бы это письмо не попало кому-нибудь въ руки.

Слѣдующее представляетъ приписку, сдѣланную на четвертой страницѣ листа.

3. Нефъ — названіе части храма въ церковной архитектурѣ.

№ 13.

В. А. Жуковскій — Фридриху Вильгельму IV.

25 Октября 1848.
Баденъ-Баденъ.

Sire.

En mettant aux pieds de Votre Majesté Royale ma profonde réconnaissance pour la lettre, que vous avez daigné m'écrire, je m'empresse d'éxecuter vos ordres en vous présentant ce que je crois savoir sur le payement de 6.000 écus, qu'on prétend avoir fait à R. Je crois être en droit d'assurer, que c'est une fable, par laquelle on a voulu induire en erreur Votre Majesté Royale. Ayant été (pendant la dernière période) dans un rapport continuel avec mon ami, j'aurais pu savoir, s'il lui était arrivé quelque chose de pareil; loin de là, il a eu à supporter, je le crois, même des injustices du coté, qui se vante de l'avoir tracté si magnifiquement. La modique pension, qui lui a été enfin assignée, ne l'a été qu'après mille chicanes, qui l'ont cruellement tourmenté dans des circonstances tellement penibles, qu'il fallait avoir toute la force de son caractère puissant pour ne pas y succomber.

Quant à l'opinion, que Votre Majesté daigne si gracieusement me demander sur la situation de R. et si cette pension (son unique revenu stable) suffirait à sa subsistence, j'ose dire franchement, que moi à sa place, en-

touré d'une nombreuse famille, qui va être encore augmentée, je me croirais dans un état proche de misère: il est lui un homme d'une autre trempe; il ne plie pas; mais ce qui ne peut plier, se rompt. Je pense donc, qu'augmenter une fortune si misérablement petite (resultat d'une vie toute de sacrifices) serait ici aussi juste qu'indispensable. Je le dis sans le consulter; je n'exprime ici que mon opinion individuelle. Malheureusement et bien malgré moi, il a eu connaissance de la lettre, que j'ai pris la liberté d'adresser à Votre Majesté d'Ems; il ne sait rien de l'offre, que j'ai cru devoir faire, mais il sait que Votre Majesté a été informée par moi de ses embarras économiques. La dessus il m'a dit: „ce que vous avez fait ne gît pas sur ma consience, car vous l'avez fait à mon insu: mais à l'avenir vous ne devez pas vous permettre aucune démarche dans ce genre: cela serait ainsi si nous agissions de concert". Aussi l'opinion que j'ose ici soumettre à Votre Majesté, n'est autre chose qu'une réponse, faite par votre ordre. Le reste est à vous, Sire; Votre Majesté agira toujours bien en suivant l'impulsion de son coeur magnanime.

Oui, Sire, les temps, où nous vivons, sont affreux: le bien est devenu impossible; l'avenir, qui se dresse devant nous, est un monstre d'anarchie, qui menace d'engloutir la société humaine. Il n'y a de salut possible que dans le prompt et énergique reveil de l'autorité. Qui serait plus digne de la relever que Vous, Sire? et en qui on devrait avoir une pleine confiance, si ce n'est en vous? Mais on est aveuglé. Toutefois vos grands et beaux projets, n'ont pas été en vain. Dieu les bénira, Sire. Avec le courage d'un Chrétien et la resolution d'un roi vous les réaliserez pour le bien de l'Humanité. J'espère en Dieu pour vous. C'est vous qu'il employera pour faire triompher sa cause, puisque c'est votre âme qu'il a daigné choisir pour la soumettre à de telles epreuves.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Royale le plus humble serviteur

Joukovsky.

25 October 1848.
Bade-Bade.

№ 13.

Переводъ.

Государь.

Повергая къ стопамъ Вашего Королевскаго Величества свою глубокую признательность за письмо, которымъ Вы почтили меня, я спѣшу исполнить Ваше желаніе и изложить Вамъ все мнѣ извѣстное по дѣлу о выдачѣ якобы Радовицу 6,000 талеровъ. Я считаю себя въ правѣ завѣрить Васъ, что этою баснею желали ввести Ваше Величество въ заблужденіе. Находясь за послѣднее время въ постоянныхъ сношеніяхъ съ моимъ другомъ, я бы непремѣнно зналъ объ этомъ. Наоборотъ, мнѣ кажется, ему даже пришлось перенести непріятности со стороны тѣхъ, кто теперь хвалится своими хорошими къ нему отношеніями. Скромную пенсію ему назначили только послѣ тысячи каверзъ, настолько непріятныхъ, что нужно было обладать всею твердостью его характера, дабы не опустить руки.

Ваше Величество почтили меня просьбою сообщить Вамъ мое мнѣніе о положеніи Радовица и о степени достаточности пенсіи (его единственнаго источника средствъ) для его существованія. Рѣшаюсь чистосердечно заявить, что будь я на его мѣстѣ окруженъ такою большою

семьею — она еще возрастетъ — я бы счелъ себя близкимъ къ нищетѣ. Радовицъ человѣкъ иной складки, — онъ не гнется, — а то, что не гнется, — ломается. Я полагалъ бы, что повышеніе его жалкой пенсіи (результатъ всей его самоотверженной жизни) было бы актомъ, столько же справедливымъ, какъ и безусловно необходимымъ. Я ничего не совѣтую, а только высказываю м о е л и ч н о е мнѣніе.

Къ сожалѣнію, Радовицъ, вопреки моему желанію, узналъ о посланномъ мною Вамъ изъ Эмса письмѣ. Онъ ничего не знаетъ о сдѣланномъ мною предложеніи, но ему извѣстно, что Ваше Величество освѣдомлены чрезъ меня объ его денежныхъ затрудненіяхъ. Онъ мнѣ сказалъ: „сдѣланное Вами не лежитъ на моей совѣсти, потому что Вы мнѣ ничего не сказали предварительно; впередъ же Вы не должны позволять себѣ никакихъ шаговъ въ этомъ направленіи; иначе можетъ казаться, что мы дѣйствуемъ по сговору". Высказанное мною мнѣніе есть только отвѣтъ на Ваше пожеланіе. Остальное — дѣло Ваше, Государь. Ваше Величество поступите всегда хорошо, если отдадитесь указаніямъ своего великодушія.

Да, Государь, переживаемыя нами времена ужасны. Добро сдѣлалось немыслимымъ; въ будущемъ предъ нами выясняется чудовищная анархія, которая грозитъ поглотить человѣчество. Единственное возможное спасеніе — это въ быстромъ и энергичномъ подъемѣ авторитета власти[1]). Кто болѣе Васъ способенъ на это? На кого другого слѣдуетъ больше положиться, какъ не на Васъ? Но всѣ точно ослѣпли. Во всякомъ случаѣ Ваши великіе и благіе планы не пропали втунѣ. Богъ ихъ б л а г о с л о в и т ъ, Государь. Съ бодростью христіанина и съ рѣшительностью государя Вы ихъ осуществите на пользу человѣчества. Я уповаю на Бога за Васъ. Именно Васъ Онъ изберетъ орудіемъ для осуществленія торжества Своего дѣла, такъ какъ Ваша душа была признана достойною, чтобы ее подвергнуть такимъ испытаніямъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, Государь, Вашего Королевскаго Величества покорнѣйшій слуга.

Жуковскій.

25 октября 1848 г.
Баденъ-Баденъ.

№ 13.

П р и м ѣ ч а н і е.

1. Такой короткій отвѣтъ Жуковскаго на существенную часть большого и откровеннаго письма короля объясняется тѣмъ, что Жуковскій самъ до этого письма неоднократно и подробно останавливался на вопросѣ о современномъ положеніи дѣла. А послѣдующее предсказаніе нашего поэта о роли, предстоящей Фридриху-Вильгельму, въ значительной степени, дѣйствительно, оправдалось.

1850 годъ.

№ 14.

В. А. Ж у к о в с к і й — Ф р и д р и х у-В и л ь г е л ь м у IV.

14/26 Іюня 1850.
Баденъ-Баденъ.

Sire.

Daignez me permettre de déposer aux pieds de Votre Majesté Royale la petite brochure[1]) ci-jointe, dont le contenu ne manquera pas de Vous inté-

resser. Je désire que Votre Majesté puisse trouver, que je n'ai pas abaissé mon sujet, en parlant dans une langue qui n'est pas la mienne et que j'emploie ici pour la première fois. Le service que j'aurai rendu à Radowitz en publiant ma vérité sur son compte, ne sera pas grand: car la calomnie, qui le poursuit, ne sera pas vaincue par une legère feuille imprimée; elle est tenace et élastique; on a beau (?) jetter contre elle la pierre, plus le jet est fort, plus fortement la pierre rebondit contre celui, qui la lance. Aussi mon but n'est pas d'entrer en lutte avec cette grande puissance, avec ce génie aux pieds fourchus qui préside les partis et inspire les folliculaires: j'ai voulu parler de Radowitz à ceux qui le connaissent et prononcer publiquement devant eux ma profession de foi sur lui, qui, sans aucun doute, sera confirmée par ceux à qui elle est adressée. Daignez, Sire, accepter avec une gracieuse bienveillance mon offrande.

Je profite de cette occasion pour mettre aux pieds de Votre Majesté Royale mes félicitations sur le rétablissement de Votre Auguste personne. Je n'ai pas cru pouvoir vous importuner par une lettre au moment de l'événement providentiel, qui d'abord m'a saisi d'effroi et d'horreur, et qui après me remplit d'une reconnaissance consolante envers l'ineffable Dieu, qui n'a permis ce crime, que pour signaler par un fait nouveau que sans Lui pas un cheveu ne tombe de notre tête. Il s'est montré ici encore une fois votre Allié devant votre peuple et devant tous ceux qui Vous chérissent et qui ont pu avoir une entrée dans le sanctuaire de Votre âme, où le culte de Dieu vivant, du Dieu Redempteur est si pur et si fidèle.

Je crois, Sire, que j'ai été prophète sur Votre compte. Je ne sais, si un article, que j'ai écrit en 1842, et qui (traduit en allemand sous mes yeux) fut imprimé dans la Kreuz-Zeitung, alors héroïque, à présent tombée dans le tournant des partis, — fut jamais parvenu à la connaissance de Votre Majesté. Le № qui contient cet article est, si, je ne me trompe, celui du 30 Août 1842. Daignez, Sire, y jeter les yeux; ce que j'y ai exprimé alors me paraît se réaliser à présent. Je ne sais, si Votre politique si désintéressée et si chrétienne parviendra à vaincre le démon de l'égoïsme qui la combat, ce qui est sûr c'est qu'elle ornera votre tête royale d'une auréole, dont l'éclat — environnant la couronne d'épines que Dieu a d'abord daigné placer sur cette humble tête — sera vue dans toute sa pureté par la postérité, et lui inspirera un respect reconnaissant pour un souverain, qui a proclamé la religion et la moralité comme les principaux éléments de sa politique, qui a su persévérer jusqu'à la fin dans les terribles épreuves de son temps, et qui a fidèlement, lui et sa maison, servi le Seigneur Dieu, comme il l'a prononcé une fois du haut de son trône.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Royale le très humble et le très devoué serviteur

JOUKOVSKY.

14/26 Juin 1850.
Bade-Bade.

№ 14.

Переводъ.

Государь.

Удостойте разрѣшить мнѣ повергнуть къ стопамъ Вашего Королевскаго Величества прилагаемую при семъ маленькую брошюру [1]), содержаніе которой не можетъ не заинтересовать Васъ.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Ваше Величество могли составить мнѣніе, что я не умалилъ значеніе моей темы, изложивъ ее языкомъ, мнѣ не свойственнымъ и который я употребилъ въ данномъ случаѣ впервые. Опубликованіе извѣстной мнѣ истины относительно Радовица еще не большая услуга для него: пущенную по его адресу клевету не побѣдить легковѣснымъ печатнымъ листкомъ. Она цѣпка и упруга; хорошо бы бросить въ нее камнемъ, но вѣдь, чѣмъ сильнѣе бросить его, тѣмъ сильнѣе, отскочивъ отъ нея обратно, онъ поражаетъ самого бросившаго. Въ мою задачу не входитъ также вступать въ борьбу съ этою огромною силою, съ этимъ злымъ духомъ, господствующимъ надъ политическими партіями и вдохновляющимъ газетныхъ писакъ. Я просто хотѣлъ поговорить о Радовицѣ съ лицами, его знающими, и открыто заявить имъ по поводу его мое личное и твердое убѣжденіе, которое, безспорно, раздѣлятъ и всѣ тѣ, коихъ я имѣлъ ввиду. Итакъ, Государь, соблаговолите милостиво принять мое подношеніе.

Пользуюсь случаемъ, дабы повергнуть къ стопамъ Вашего Королевскаго Величества мои поздравленія по случаю выздоровленія Вашей Августѣйшей особы. Я не считалъ себя въ правѣ безпокоить Васъ своимъ письмомъ тотчасъ послѣ ниспосланнаго на Васъ Провидѣніемъ событія. Оно сперва поразило меня ужасомъ, но затѣмъ наполнило мое сердце чувствомъ успокоительной признательности къ неизъяснимымъ путямъ Господа, допустившимъ покушеніе на Васъ съ тѣмъ, чтобы лишній разъ указать, что безъ воли Творца ни единый волосъ съ головы человѣческой не упадетъ. Еще разъ Ваше единеніе съ Богомъ явлено передъ Вашимъ народомъ и предъ всѣми, Васъ любящими и имѣющими доступъ къ Вашей душѣ, — непорочной и вѣрной служительницѣ Бога Живого, Бога Искупителя грѣховъ нашихъ.

Думается мнѣ, Государь, что въ отношеніи Васъ я былъ пророкомъ. Я не знаю, извѣстна ли Вашему Величеству моя статья, написанная мною въ 1842 г., (переведенная, подъ моимъ наблюденіемъ, на нѣмецкій языкъ) и напечатанная въ „Kreutz-Zeitung“, органѣ, тогда — независимомъ, а теперь увлеченномъ, въ партійную борьбу. Если я не ошибаюсь, статья эта помѣщена была въ нумерѣ отъ 30 Августа 1842 г. Соблаговолите, Государь, пробѣжать ее: то, о чемъ говорилъ я тогда, начинаетъ, повидимому, сбываться теперь. Я не знаю, справится ли Ваша безпристрастная и поистинѣ христіанская политика съ противуставшимъ ей демономъ эгоизма; безспорно только то, что она украситъ Вашу царственную главу ореоломъ, который засіяетъ вокругъ Вашего терноваго вѣнца, и потомство увидитъ Васъ во всей непорочности. И тогда всѣ преисполнятся уваженіемъ и признательностью къ государю, положившему въ основу своего правленія религію и нравственность, къ государю, сохранившему до конца стойкость въ тяжелыхъ испытаніяхъ своего времени, который со всѣмъ своимъ родомъ послужилъ Господу, во исполненіе обѣта, даннаго имъ при восшествіи своемъ на престолъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, Государь, Вашего Королевскаго Величества покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

14/26 іюня 1850 г.
Баденъ-Баденъ.

№ 14.

Примѣчаніе.

1. Брошюра Жуковскаго носитъ названіе; „Josef v. Radowitz, wie ihn seine Freunde kennen“. Она появилась въ печати и на русскомъ языкѣ и вошла въ нѣкоторыя изданія собраній сочиненій Жуковскаго (подъ редакціей П. А. Ефремова, подъ ред. проф, Архангельскаго).

Въ своемъ письмѣ къ Д. П. Северину Жуковскій пишетъ объ этой своей работѣ такъ:

Вотъ тебѣ, мой милый Котъ,
Мой нѣмецкій Butterbrod.

(См. „Русск. Стар.“, 1902 г., кн. VI, примѣч. 4-е, сд. И. А. Бычковымъ).

Какъ интересна въ сравненіи съ письмомъ къ Фридриху-Вильгельму IV эта юмористическая самокритика нашего поэта, подтрунивающаго на закатѣ своихъ дней надъ самимъ собой.

Это, очевидно, и было той частицей его и поэтическаго и человѣческаго „я“, которое влекло къ нему сердца всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

№ 15 [1]).

Р. ф.-Сидовъ—В. А. Жуковскому.

11 Сент. 1850.
Берлинъ.

Des Königs Majestät beabsichtigen dem K. Russ. Geheimenrathe v. Joukowski zu Baden-Baden einen Beweis Allerhöchst Ihren gnädigen Andenkens zukommen zu lassen.

Geh. Rath v. Joukowski würde, wie ich in Erfahrung gebracht über Allergnädigste Bewilligung eines Prachtexemplars der Werke Friedrichs des Grossen wie ein solches für den verstorbenen Staatsrath von Tourgueneff [2]) bestimmt gewesen, sich besonders freuen.

R. v. Sydow.

Berlin d. 11 September 1850.

№ 15 [1]).

Переводъ.

Его Королевское Величество имѣетъ ввиду явить тайному совѣтнику россійской службы Жуковскому, въ Баденъ-Баденѣ, доказательство своего Всемилостивѣйшаго къ нему вниманія.

Тайному совѣтнику Жуковскому доставитъ, конечно, особенное удовольствіе сообщеніе мнѣ Всемилостивѣйшаго соизволенія на врученіе ему роскошнаго экземпляра собранія сочиненій короля Фридриха Великаго, одинаковаго съ экземпляромъ, который былъ предназначенъ покойному статскому совѣтнику Тургеневу [2]).

Р. ф.-Сидовъ.

Берлинъ.
11 сентября 1850 г.

№ 15.

Примѣчанія.

1. Это письмо, по всей вѣроятности представляетъ также, какъ и письмо подъ № 3, только черновикъ или отпускъ. Очень можетъ быть, что само письмо не было даже отправлено, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно должно было бы храниться въ бумагахъ П. В. Жуковскаго, у котораго, однако, мнѣ не пришлось его видѣть.

2. Это изданіе было пожаловано Александру Ивановичу Тургеневу — въ связи съ его занятіями по розысканію историческихъ матеріаловъ, касающихся Россіи и хранящихся въ иностранныхъ архивахъ.

№ 16.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

21 Декабря 1850.
Потсдамъ.

Cher et excellent ami. J'avais l'intention de Vous écrire depuis plus d'un quart d'année, mais je ne voulais pas renouer notre correspondance les mains vides. Je voulais Vous envoyer mon portrait et un cahier de vues de Potsdam. Mais le peintre (M. Otto) est resté en défaut. La tête a bien réussie, mais le corps, copié d'après un petit tableau où j'étais représenté assis, a quelque chose, comment dirai-je, „d'invraissemblable" qui nuit à l'effet.

Or, sachez cher Joukovsky, que je Vous connais comme juge sévère et désespéramment compétent en fait de beaux arts. Par conséquent je ne veux rien Vous offrir qui Vous force à demander de primabord. „Diable, est-il debout ou assis?" Veullez donc prendre un peu de patience, cher ami, et plus que moi-même — car je n'y tiens plus et Vous envoie les lithographies de Potsdam, qui primitivement étaient destinées à servir de „petite pièce" après la tragédie, d'après la coutume du Théatre Français de Paris. Mais sachez, que ces vues de Potsdam ne Vous parviennent pas par pure charité chrétienne. Le but avoué de cet envoi est purement et simplement de Vous exciter de Vous stimuler à venir nous voir au printemps, en été, ou au commencement de l'automne dans ma ville chérie pour comparer Vous même, pour examiner la copie en face de l'original. Je Vous avertis, que Vous serez très bien reçu si nous sommes en vie. Et pour prix de la bonne réception je demanderai Vos conseils über einige Drucker, die zum Nachhelfen des Ganzen der Potsdammer Wirthschaft unentbehrlich sein dürften.

„Mais parlons encore de notre ami Horace" c. à d. du portrait, que Vous aurez bientôt, j'espère! Je l'ai commandé, ayant lu les premières pages de Votre petit „Eloge" de notre brave et digne Radowitz. Vous n'avez aucune idée de l'impression que cette brochure a fait sur moi. Ce ne sont pas les qualités qui dictent tout ce qui sort de Votre plume. — La Vérité, la Conviction et la Justice — qui ont fait sur moi l'effet dont je parle. — Mais c'est surtout l'à propos. Fidèle au précepte de l'Apôtre de confesser la Vérité sous toutês les conditions, — „Zur rechten Zeit oder zur Unzeit, durch böse Gerüchte oder gute Gerüchte", — Vous avez, cher et excellent ami, porté témoignage en faveur d'un homme, que le monde (et surtout les Puissants de ce monde) méconnaissent dans ce moment et pour longtemps encore peut-être, mais auquel l'histoire assignera une place glorieuse, la place d'honnête homme, d'homme de bien, de génie chrétien et d'un chrétien, connaissant mieux le monde que tout les „Enfants du monde", resté pur des eclaboussures de ce monde. Enfin, Votre petit écrit sur Radowitz m'a enchanté. A la fin de chaque phrase, j'ai dit „Amen". Vous le connaissez bien, cher Joukowsky, car Vous lui ressemblez. Je ne Vous trouve qu'une faute que l'autre n'a pas; celle de Vous soustraire à la Confiance de Votre Auguste et digne Souverain et d'avoir fui l'occasion d'illustrer son nom, celui de la

Russie et le Votre par la gestion d'un ministère. A la tête du Culte, par exemple, Vous auriez mieux fait que Chichkoff et ses successeurs; à la tête du ministère „des lumières" (ou de l'éclairage) Vous auriez fait autrement qu'Ouwaroff, que je respecte d'ailleurs comme un homme de bien et heureuseument doué par la nature — mais Vous, cher ami, doué de plus de foi, de plus de feu sacré, d'un sentiment plus éclairé pour le beau, Vous aviez le privilège certain de mieux faire que bien des hommes, que leurs Contemporains tachent d'affubler du caractère de grands hommes.

Et voyez maintenant l'inconséquence humaine! Avec tout cela j'ai une véritable satisfaction de Vous savoir en Allemagne, im Weinreichen Lande unter einem clementerem Himmel als den des Finnischen Meerbusens. Vous direz peut-être, que ça n'a pas le sens commun. Soit! Pourvu que Vous sentiez le contraire. — Dieu aidant notre ami n'est pas à la fin de sa carrière politique. L'on a miné sa position, par ce que son obéissance au Roi était devenu dangereuse pour certains gens qui, au nom du principe monarchique, régissaient l'état sans le roi. Je part — et l'on débite partout, que le but, qu'il s'était proposé d'atteindre était fabuleux, intempestif, nuisible etc etc. — Et voilà que M. de Noirmont nous propose comme siennes, les mêmes choses, les mêmes conditions qui depuis 2 ans étaient les nôtres (les radowiziennes) et que l'autre avait refusé avec une constance désesperante. Pour ceux qui ont des yeux il n'y a au monde une justification plus éclatante, plus triomphante de la conduite et des „Fins" de notre ami. Quel était l'objet auquel nous tendions lui et moi? Bien que la reconnaissance du droit de la totalité des Souverains d'Allemagne à la reconstruction de l'Allemagne, bouleversée par la révolution de 48. Et bien ce but est atteint. Il l'a été parce que mon bon droit était en fin appuyé par 478.000 combattans (chiffre exact). Nous l'aurions atteint 2 mois plus tôt, zwar unter der Firma „König, Radowitz Comp.", si l'appui en question ne nous avait pas été refusé, lorsque nous l'avions demandé, pour la raison pure et simple, dem Dinge diese Firma nicht zu gönnen!!!!!!!!!

№ 16.

Переводъ.

Дорогой мой другъ. Уже мѣсяца три собирался я написать Вамъ, но мнѣ не хотѣлось возобновить нашу переписку съ пустыми руками. Я желалъ препроводить Вамъ свой портретъ и альбомъ видовъ Потсдама. Но работа художника (Г-на Отто) оказалась не вполнѣ удачной. Голова исполнена имъ хорошо, а туловище — копія съ маленькаго портрета, на которомъ я изображенъ сидя, — нѣсколько, я бы сказалъ „неестественно", и отъ этого теряется общее впечатлѣніе. Теперь знайте же, дорогой Жуковскій, что я считаю Васъ за строгаго и безусловно свѣдущаго цѣнителя искусства. Поэтому я не хочу подарить Вамъ портретъ, глядя на который Вы, первымъ дѣломъ, воскликнете, „Что за чертовщина, стоитъ онъ или сидитъ"? Итакъ, дорогой другъ, запаситесь пока немного терпѣніемъ (у меня его больше ужъ нѣтъ) и примите только литографированные виды Потсдама, первоначально предназначавшіеся изобразить „маленькую пьеску", даваемую согласно обычаямъ парижскаго „Théâtre Français", послѣ трагедіи. Вамъ слѣдуетъ знать, что виды эти дарятся Вамъ не изъ одного только милосердія христіанскаго. Настоя-

щее назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы побудить Васъ собраться весною, лѣтомъ или въ началѣ осени пріѣхать въ нашъ милый городокъ, чтобы самому сравнить копію его съ оригиналомъ. Могу увѣрить Васъ, что, если только мы будемъ живы, тамъ Васъ встрѣтятъ очень хорошо, А въ видѣ преміи за привѣтливый пріемъ я попрошу у Васъ совѣта относительно нѣсколькихъ типографовъ, неотложно необходимыхъ для обслуживанія всего потсдамскаго хозяйства.

„Но поговоримъ еще о нашемъ другѣ Гораціи" — я разумѣю портретъ, который Вы, надѣюсь, получите скоро! Я заказалъ его, какъ только прочелъ первыя страницы Вашего хвалебнаго слова нашему мужественному и достойному Радовицу. Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на меня эта брошюра. И сила ея въ данномъ случаѣ вовсе не въ обычныхъ качествахъ Вашего пера — искренности, убѣдительности и справедливости — все это тутъ играетъ какую-то побочную роль. Вы остались вѣрнымъ заповѣди Апостольской о необходимости быть глашатаемъ истины, не взирая на окружающія условія или, какъ говорится по нѣмецки — ко времени и безъ времени (Durch böse Gerüchte, oder gute Gerüchte).

Вы выступили, дорогой другъ, защитникомъ человѣка, нетерпимаго всѣмъ свѣтомъ, (а въ особенности сильными представителями послѣдняго). И непризнаніе его не дѣло нашихъ дней, оно затянется еще на долгое время. Но исторія отведетъ ему почетное мѣсто среди представителей благородства, добра, христіанскаго духа, — истыхъ христіанъ, знающихъ жизнь лучше всѣхъ этихъ такъ называемыхъ „дѣтей міра сего". Среди всей грязи людской Радовицъ остался незапятнаннымъ. Словомъ, Ваша брошюра о Радовицѣ привела меня въ восхищеніе. Въ концѣ каждой фразы я прибавлялъ: „аминь". Вы, Жуковскій, хорошо знаете Радовица уже потому, что схожи съ нимъ. Я нахожу у Васъ только одинъ недостатокъ, котораго нѣтъ у него — это то, что Вы сторонитесь довѣрія, оказываемаго Вамъ Вашимъ Августѣйшимъ Монархомъ и избѣгаете случая прославить, въ качествѣ министра, Государя, Россію и себя самаго. Будучи, напримѣръ, во главѣ министерства духовныхъ дѣлъ, Вы сдѣлали бы гораздо больше, чѣмъ Шишковъ и его преемники. Въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, Вы поступали бы иначе, чѣмъ Уваровъ, котораго, вообще, я уважаю, какъ человѣка добраго и хорошо одареннаго отъ природы , но зато Вы, дорогой другъ, одарены еще больше, въ Васъ больше священнаго огня и чувства Ваши болѣе чутки для воспріятія идей добра. Вы обладаете, несомнѣнно, болѣе развитою способностью улучшать положеніе дѣла, чѣмъ тѣ лица, которымъ современники ихъ пытаются придать характерныя черты великихъ людей.

И посмотрите теперь на непослѣдовательность человѣческую. При всемъ мною только что сказанномъ, я испытываю истинное удовлетвореніе, зная, что Вы живете въ Германіи, въ странѣ вина, подъ небомъ, болѣе привѣтливымъ, чѣмъ то, что разстилается надъ Финскимъ заливомъ. Вы скажете, можетъ быть, что въ этомъ нѣтъ здраваго смысла. Пусть будетъ такъ, лишь бы Вы чувствовали противуположное. — Благодаря Бога, нашъ другъ не заканчиваетъ еще свою политическую карьеру. У него отняли его мѣсто, потому что его приверженность королю казалась опасною категоріи людей, желающихъ, подъ знаменемъ монархизма, править государствомъ безъ государя. Уйду я — и Радовицу повсюду

поставятъ въ вину цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, цѣль, якобы отжившую, вредную и т. д. И вотъ получается, что г. де Нуармонъ выдаетъ за свои измышленія, за свои условія, тѣ предположенія, которыя два года тому назадъ еще зародились у насъ (т. е. у Радовица) и были тогда отвергнуты съ упрямствомъ, способнымъ довести до отчаянія. Для имѣющихъ глаза не нужно другого, болѣе убѣдительнаго и торжественнаго признанія умѣнія и остроты ума Радовица. И онъ и я — оба мы не имѣли другой цѣли, какъ только добиться признанія за германскими государями права на переустройство Германіи, потрясенной революціей сорокъ восьмого года. И цѣль была достигнута, потому что мое доброе право, наконецъ, подкрѣпили 478,000 бойцовъ (цифра точная). Мы бы достигли этого еще два мѣсяца тому назадъ, хотя бы подъ фирмою „Король, Радовицъ и Компанія", если бы намъ не отказали въ этой поддержкѣ, когда мы, по ясной и простой причинѣ, попросили „dem Dinge diese Firma nicht zu gönnen!!!!!!!" (не выпускать дѣло изъ рукъ этой фирмы).

21 декабря 1850 г.
Потсдамъ.

1851 годъ.

№ 17.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV — В. А. Жуковскому.

27 января 51.
Шарлоттенбургъ.

Cher et digne ami. Je Vous envoie en rougissant[1]) une lettre, achevée de $^3/_4$ mais non signée, que je Vous ai écrit à la fin du mois passé!!! Soyez indulgent! Soyez clément! Ne m'en volez pas, de grâce! Je n'ai d'autre excuse que „mes occupations" et elle est mauvaise, non parce que je manque d'occupations, de travail, de tracasseries etc. etc. etc. mais mauvaise, parce que tout cela ne doit pas retenir un ami vrai et fidèle (et je le suis) de chercher et de trouver un petit instant pour écrire 3 lignes et signer. Je me sens bien coupable! Pardonnez-moi! Notre ami est de retour d'Angleterre, frais et dispos, un peu de rose sur les joues et plus intéressant que jamais. Il est revenu tout plein de la grandeur d'Albion et de sa Capitale (qui a déjà la population de 2 royaumes allemands), des miracles de son industrie, des recherches fort doctes et un peu hérétiques de Bunsen sur les Généalogies de la Genèse et surtout de l'histoire primitive du pays de Gales.

J'espère que les oeuvres de notre grand Roi[2]) seront entre Vos mains, cherissime Joukovsky, avant l'arrivée de cette lettre. Mon „visage" arrive avec elle et les vues de Potsdam également. Si, comme je l'espère ardamment, Vous y venez nous voir ne faites pas den Zugvogel. Vouez nous, je Vous en conjure, tout le temps, que Vous pourrez, une quinzaine, une huitaine pour le moins. Sachez avant tout, que vous ne pourrez jamais rester trop longtemps. C'est une sainte verité. Je Vous embrasse de mes deux bras, cher et excellent ami, trop heureux, si quelques mots de Votre main, m'autorisent bientôt de dire „Au revoir".

Croyez à l'amitié inviolable de Votre fidèle ami Frédéric Guillaume.

P. S. Je charge notre ami Sydow[3]), de l'Ambassade destinée à Vous remettre cette lettre et ce qui l'accompagne.

№ 17.

Переводъ.

Дорогой и достопочтенный другъ!

Краснѣя [1]) отъ стыда посылаю я Вамъ письмо, на три четверти уже законченное, но своевременно не подписанное; я написалъ его въ концѣ прошлаго мѣсяца!!! Будьте снисходительны! Будьте добры ко мнѣ. Не лишайте меня своихъ милостей! У меня нѣтъ другихъ оправданій, кромѣ „моихъ занятій" но тѣмъ хуже, не потому, что я не обращаю вниманія на работу, на дѣловыя хлопоты и т. д. и т. д., и т. д.; а нехорошо потому, что все это не должно было бы помѣшать такому преданному и вѣрному другу (каковъ я, на самомъ дѣлѣ), улучить минутку, написать пару строкъ и поставить внизу свое имя. Я чувствую себя очень виноватымъ. Простите меня. Нашъ другъ возвратился изъ Англіи свѣжимъ и здоровымъ, съ румянцемъ на щекахъ и болѣе интереснымъ, чѣмъ когда-либо. Онъ вернулся весь преисполненъ уваженіемъ къ величію Альбіона и его столицы (по народонаселенію равной двумъ нѣмецкимъ королевствамъ). Радовица удивили чудеса англійской промышленности и весьма ученыя, но немного еретическія изслѣдованія Бунзена о родословіи Книги Бытія и въ особенности исторіи первобытной Галліи.

Надѣюсь, что сочиненія нашего великаго короля [2]) дошли до Васъ, дражайшій Жуковскій, еще до полученія настоящаго письма, съ которымъ препровождаются Вамъ мой „ликъ" и виды Потсдама. Если Вы пріѣдете къ намъ повидаться, какъ я горячо надѣюсь, не будьте перелетной птицей. Отдайте намъ, заклинаю Васъ все время, какое только можете: двѣ недѣли, недѣлю, самое меньшее. Знайте только напередъ одно, что Вы никогда не можете оставаться у насъ слишкомъ долго. Это святая истина. Обнимаю Васъ, дорогой другъ, обѣими руками; буду счастливъ, если нѣсколько словъ, написанныхъ Вашею рукою, дадутъ мнѣ возможность сказать Вамъ въ скоромъ времени: „до свиданія". Вѣрьте въ ненарушимую дружбу Вашего вѣрнаго друга Фридриха-Вильгельма.

PS. Я поручаю нашему другу, Сидову [3]), доставить Вамъ письмо и приложеніе къ послѣднему.

24 января 1851 г.
Шарлоттенбургъ.

№ 17.

Примѣчанія.

1. Это слово въ оригиналѣ письма зачерчено самимъ королемъ краснымъ карандашемъ.
2. Сочиненія Фридриха Великаго, объ отправкѣ роскошнаго экземпляра которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ подъ № 15, см. стр. 186.
3. Подъ этими строками, во всю осьмушку листа, Фридрихъ-Вильгельмъ нарисовалъ чернилами и раскрасилъ краснымъ карандашемъ портретъ Сидова въ профиль, несущаго Жуковскому въ вытянутой рукѣ это письмо короля.

№ 18.

В. А. Жуковскій—Фридриху-Вильгельму IV.

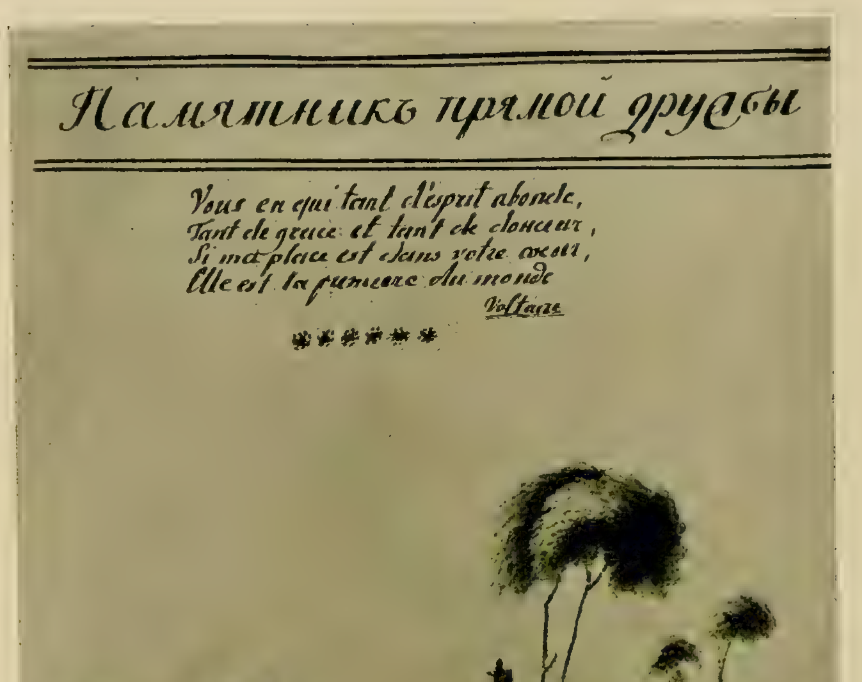
11 Февраля 1851.
Баденъ-Баденъ.

Sire.

La journée d'hier — le 68 anniversaire de ma naissance a été pour moi bien mémorable. Je demande à Votre Majesté la permission de Vous la ra-

conter. D'abord elle a commencé par un duo chanté par mon fils et ma fille: leurs jeunes voix me gazouillèrent l'hymne Russe, dont les paroles, composées par leur père, sont destinées à passer comme une tradition de génération en génération tant que sera debout le trône de Russie. Après cette scène vint une autre, qui donna son caractère distinctif à toute la journée. Encore la veille ma femme m'avait prévenu, qu'une grande joie m'attendait le lendemain, et elle m'assura que je ne pourrai jamais la deviner. J'ai cru pourtant que je l'aie déviné juste, en pensant, que, M. de Sydow étant arrivé, j'aurai le grand plaisir de recevoir les vues de Potsdam, dont il m'a déjà depuis quelque temps annoncé le don. Après m'avoir pendant quelques heures tenu sous clef dans mon cabinet, pour que je (ne) tombe pas comme une bombe au milieu de la surprise, qu'elle préparait, ma femme vint me délivrer et me fait entrer dans la chambre arrangée pour la fête. En y entrant je trouve tout le monde réuni devant la porte, mes parents et le ministre de Votre Majesté, et ce n'est qu'après avoir percé leur rang que je me trouve tout à coup face à face devant Votre portrait: Sire, je ne puis pas Vous exprimer, combien cette apparition inattendue de votre image au milieu de mon humble fête domestique m'a attendri. Ce portrait de la plus parfaite ressemblance et un chef d'oeuvre de peinture m'a vivement ramené dans les temps passés: il vous represente tel que mes yeux vous ont autrefois vu et tel que mon coeur vous aime toujours; il exprime en même temps tout ce qui s'est passé depuis l'époque, que je n'ai pas eu la possibilité d'être en votre présence, depuis que Vous portez la couronne du martyre, en restant pour ceux qui vous aiment toujours le plus cher objet de leur affection, en luttant avec le torrent démonique d'un siècle pour vous ingouvernable parcequ'il faut, pour s'en rendre maître, emprunter les armes à l'Esprit de ténebres, enfin en confiant à Dieu vos belles et pures intentions, leur réussite dans le présent et leur juste appréciation dans l'avenir. Toutes ces tribulations du siècle, toute cette lutte aves elles, qui déchirent une ame sainte, destinée plutôt à répendre avec amour autour d'elle la paix de Dieu, qui la remplit, que de terrasser l'ennemi de l'ordre et le perturbateur de cette paix, toutes les hautes idées qui brulent dans son intérieur malgré la tempête du déhors, qui s'efforce de les éteindres — tout cela s'exprime dans cette phisiognomie que je connais et qui est restée telle que je l'ai connue jadis, mais qui maintenant est empreinte de la signature grave et mélancolique du temps, qui agite notre vie. En un mot ce portrait satisfait complètement; il représente non uniquement les traits materiels, mais aussi l'histoire intime de votre âme; c'est votre profession de foi, en peinture; elle contente et attendrit ceux qui peuvent en déchiffrer les caractères et en comprendre le sens. Je mets à Vos pieds les expressions de ma profonde reconnaissance et de celle de tous les miens pour le don inappréciable que vous avez daigné m'accorder; il est venu bien à propos pour orner et enchanter ma fête domestique, il l'a présidé et le toast que nous avons porté à celui qu'il représentait, fut: que Dieu lui accorde l'éxécution en son sens des voeux qu'il forme pour le bien du monde.

Je prends la liberté d'ajouter quelques lignes en réponse aux autres points de la gracieuse lettre de Votre Majesté, en Vous priant de me pardonner ma hardiesse d'obséder trop longtemps l'attention de Votre Majesté; ce que vous avez eu la grâce de dire sur l'impression qu'a produit sur vous ce que j'ai ecrit sur Radowitz m'est infiniment précieux: si réellement



Рисунокъ сепіей В. А. Жуковскаго на заглавномъ листѣ альбома, подареннаго имъ М. А. Протасовой.

j'ai pu dire d'une manière persuasive la vraie vérité sur cette grande âme à ceux qui, comme vous, savent l'apprécier, c'est un bonheur, qui me réjouit profondement, et qui forme une époque dans ma vie. Il ne s'agit pas ici d'amour propre d'auteur; dans un cas pareil un oui approbatif de la part de ceux qu'on aime est une jouissance; on la désire et l'accepte avec reconnaissance. Mais, Sire, Votre Majesté me met dans l'embarras et jette le trouble dans ma conscience en ajoutant aux choses, qu'elle dit avec tant de justice sur Radowitz, une trop haute évaluation de mon pauvre individu. Je ne veux pas entrer en aucun détail, qui prouverait combien la taxe que vous daignez faire de moi, surpasse la valeur de la marchandise — Vous pourriez prendre mes paroles pour la coquetterie de l'amour propre qui, pour faire plus d'effet, s'affublerait du costume de la modestie et de l'humilité. Je dis ce peu des mots sur moi uniquement pour que Votre Majesté soit prévenue et ne tombe pas de trop haut dans son opinion sur moi, en me trouvant si peu de chose, lorsque (si Dieu le permet) j'aurai le bonheur de profiter de sa gracieuse invitation, en passant quelques jours à Sans-Souci dans sa proximité.

Votre Majesté dans sa gracieuse bonté pour moi regrette que je me suis abstenu de chercher de devenir plus utile à mon auguste maître dans une carrière d'état: — je dois avouer, que je n'ai pas le mérite de l'avoir fait volontairement même par la considération de mon insuffisance: cela s'est fait de soi-même, à mon insu. Entré tout à coup dans le cercle domestique et par le concours des circonstances éloigné de ma patrie, et déjà avancé en âge, je me suis oublié dans cette vie, si tranquille et si suffisante pour mes désirs, et à présent, que l'âge, encore plus avancé, a beaucoup ajouté à mon insuffisance d'entrer dans une carrière, qui demande, hors le désir et la bonne volonté de bien faire, encore du savoir et de l'expérience — je suis devenu et me contente d'être le directeur d'une petite école primaire composée de deux individus qui sont — ma fille et mon fils. C'est mon royaume que je gouverne monarchiquement: j'en suis et le roi et la constitution, car je compose moi-même la méthode que je dois employer pour l'instruction de mes enfants; je n'ai pas à lutter ni avec les ministres, ni avec les chambres et mon peuple, étant très peu nombreux, peut être assez facilement contenté et manié — malgré tout cela et malgré mon omnipotence patriarchale dans mon petit étât, j'éprouve par le fait, que la science du gouvernement est la plus difficile de toutes les sciences. Pour mon compte je dois, comme précepteur, redevenir enfant, me remettre à l'a-b-c et reaprendre tout retrospectivement pour pouvoir bien l'enseigner à ceux, qui ne savent rien et auquels on doit d'abord ne rien apprendre hors le bonheur d'une jouissance pure de leur vie d'enfance, sans l'assujetir à aucune gêne, et après n'enseigner rien que le désir de savoir et la capacité d'acquerir ce savoir par leur propre force: il faut, en un mot, devenir le tonneau de Radowitz, ou s'y cacher pour aider ses écoliers à faire par eux mêmes ce que Radowitz a fait seul, sans aide et sans direction. Tel est, Sire, le contenu de ma vie présente. Je voudrais y ajouter quelque peu de poésie, c'est à dire de poésie qui conviendrait au chiffre de 68 années qui reposent bien comptées sur mes épaules, mais je ne sais si l'a-b-c me donnera la possibilité et le loisir de faire ma cour à mon viel Homère.

Daignez, Sire, me pardonner mon babil: il a été provoqué par la lettre si remplie de bonté que j'ai eu le bonheur de recevoir de Votre Ma-

jesté. Je pose la plume, en mettant encore une fois à vos pieds les expressions de ma profonde reconnaissance pour toutes les marques de bonté dont Vous m'avez comblé avec tant de profusion et en vous assurant, que chaque matin et chaque soir je prononce votre cher nom dans mes prières devant le Seigneur.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Royale le très humble serviteur

Joukovsky.

11 Février 1851.
Bade-Bade.

№ 18.

Переводъ.

Государь!

Вчерашній день — 68-я годовщина моего рожденія — будетъ для меня очень памятнымъ. Я прошу у Вашего Величества позволенія разсказать о немъ по порядку. Начался онъ съ дуэта, спѣтаго моимъ сыномъ и дочерью [1]). Ихъ юные голоса прощебетали русскій гимнъ, словамъ [2]) котораго, сложеннымъ ихъ отцомъ, суждено переходить, какъ преданію, изъ рода въ родъ до тѣхъ поръ пока не прекратитъ свое существованіе россійскій престолъ. Эту сцену смѣнила другая, придавшая особый характеръ всему дню. Еще наканунѣ жена предупредила меня, что завтра меня ожидаетъ большая радость, которую я ни за что не сумѣю отгадать. Я думалъ, что отгадаю навѣрно, предположивъ, что пріѣхалъ г. Сидовъ и я получу большое удовольствіе отъ обѣщанныхъ мнѣ уже нѣсколько времени тому назадъ видовъ Потсдама. Нѣсколько часовъ меня продержали взаперти въ моемъ кабинетѣ, дабы не разрушить иллюзію сюрприза, приготовленнаго моею женою. Наконецъ, меня выпустили и ввели въ убранную для празднества комнату. Войдя туда я увидѣлъ свою семью и представителя Вашего Величества. Все это общество столпилось передъ дверьми и только пробравшись сквозь него, я очутился прямо предъ Вашимъ портретомъ, Государь! Не могу выразить Вамъ, какъ сильно тронуло меня неожиданное появленіе Вашего изображенія на моемъ скромномъ семейномъ торжествѣ. Это совершенство портретной живописи, достигнувшей полнаго сходства, живо напомнило мнѣ о временахъ прошедшихъ. Вы изображены здѣсь такимъ, какимъ я Васъ видѣлъ когда-то давно, и какимъ мое сердце Васъ всегда любитъ.

Портретъ отражаетъ въ себѣ и все свершившееся за время нашей разлуки, обличаетъ все то, что произошло съ момента принятія Вами мученическаго вѣнца. Для любящихъ Васъ Вы остаетесь все тѣмъ же дражайшимъ предметомъ привязанности, борющимся съ ужаснымъ демоническимъ потокомъ этого вѣка, которымъ Вамъ трудно управлять уже потому, что желающій направлять его долженъ заимствовать свое оружіе отъ духа тьмы. Васъ любятъ, наконецъ, за Ваши открытые предъ Богомъ прекрасные и чистые помыслы, успѣхъ которыхъ въ настоящее время и ихъ оцѣнку въ будущемъ Вы предоставляете также Ему. Всѣ непріятности нашего времени, вся борьба съ ними, раздирающая Вашу святую душу, скорѣе предопредѣленную съ любовью разливать вокругъ себя наполняющій ее миръ Божій, нежели усмирять врага порядка и его смутителя, всѣ Ваши высокія идеи, которыя пылаютъ, несмотря на внѣшнія

бури, стремящіяся погасить ихъ, — все это ясно отражается на Вашемъ лицѣ, столь мнѣ знакомомъ, оставшимся такимъ, какъ прежде, но съ очень замѣтнымъ отпечаткомъ тяжелаго меланхолическаго вѣка, волнующаго нашу жизнь. Словомъ, Вашъ портретъ совершенно удовлетворяетъ меня. Онъ даетъ представленіе не только о фактическихъ обстоятельствахъ жизни Вашей, но еще раскрываетъ сокровенную исторію Вашей души; это Вашъ символъ вѣры, выраженный красками на полотнѣ. Онъ удовлетворяетъ и приводитъ въ умиленіе каждаго, кто умѣетъ разбираться въ характерахъ и понимать ихъ значеніе. Повергаю къ стопамъ Вашимъ выраженіе моей глубокой благодарности за Вашъ безцѣнный подарокъ, которымъ вы удостоили меня почтить. Онъ пришелъ какъ-разъ кстати и украсилъ мой семейный праздникъ, занявъ на немъ первенствующее мѣсто. И все, чѣмъ мы привѣтствовали его оригиналъ свелось къ пожеланію: да благословитъ Богъ успѣхомъ его начинанія на пользу человѣчества.

Позволяю себѣ прибавить нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на другіе пункты милостиваго письма Вашего Величества. Я прошу извиненія за смѣлость, съ которою рѣшаюсь слишкомъ долго занимать вниманіе Вашего Величества. Все, что Вамъ благоугодно было сказать о впечатлѣніи, произведенномъ на Васъ моею брошюрою, посвященною Радовицу, — для меня безконечно лестно. Если я дѣйствительно могъ съ полною убѣдительностью раскрыть истину, истину этой великой души, обращаясь къ умѣющимъ ее цѣнить, — то я этому глубоко радъ и это составляетъ въ моей жизни новую эпоху. Вопросъ уже не въ авторскомъ самолюбіи. Добиться одобренія со стороны любящихъ автора — въ подобномъ дѣлѣ цѣлая радость, желательная и принимаемая съ признательностью. Но, Государь, Ваше Величество смутили меня и привели въ замѣшательство мою совѣсть, прибавивъ къ столь справедливо высказанному своему мнѣнію о Радовицѣ слишкомъ высокую характеристику моей маленькой личности. Я не хочу детально разбирать, поскольку оцѣнка, которую Вы соблаговолили дать мнѣ, соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости оцѣниваемаго предмета. Вы могли бы счесть это за кокетство самолюбія, наряжающагося въ одежду смиренія, ради наибольшаго эффекта. Я говорю эти нѣсколько словъ о себѣ съ тою единственно цѣлью, чтобы предупредить Ваше Величество отъ возможности разочарованія во мнѣ, найдя меня малоинтереснымъ, если — съ Божьяго соизволенія — я буду имѣть счастье воспользоваться Вашимъ милостивымъ приглашеніемъ и провести нѣсколько дней вблизи Васъ, въ Санъ-Суси.

Ваше Величество, по своей добротѣ ко мнѣ, высказываете сожалѣніе по поводу того, что я воздержался отъ попытокъ оказаться болѣе полезнымъ моему Августѣйшему Монарху на поприщѣ государственной службы. Я долженъ разъяснить, что я не имѣю за собою заслугъ, чтобы считать это происшедшимъ по моей волѣ, изъ-за собственнаго моего убѣжденія въ своей малоспособности. Все случилось само собою, безъ моего участія. Весь уйдя въ кругъ семейной жизни, удалившись, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, изъ своего отечества, уже на порогѣ старости, я позабылъ о себѣ въ этой тихой обстановкѣ, столь отвѣчающей моимъ желаніямъ. А теперь я еще болѣе состарился, еще менѣе тянетъ меня къ службѣ, требующей, помимо добрыхъ намѣреній, еще и знанія и опыта.

Меня совершенно удовлетворяетъ пребываніе на посту директора первоначальной школы, единственными учениками которой состоятъ мои сынъ и дочь [3]). Въ этомъ царствѣ я неограниченный повелитель. Здѣсь я и государь, я и конституція, ибо мною составляется планъ обученія моихъ дѣтей. Мнѣ не нужно бороться ни съ министрами, ни съ парламентомъ, и мои весьма малочисленные подданные могутъ быть весьма легко удовлетворяемы въ своихъ нуждахъ. А все же, несмотря на все это, несмотря на мое первобытное всевластіе, я на дѣлѣ, въ моемъ маленькомъ государствѣ, убѣдился, что самое трудное изъ всѣхъ знаній — умѣніе управлять. Мнѣ, какъ наставнику, приходится возвращаться въ дѣтство, начинать съ азбуки и все воспринимать заново, дабы быть въ состояніи помочь тѣмъ, которые не знаютъ ничего и которымъ слѣдуетъ внушать одно только сознаніе счастья ихъ дѣтскаго возраста, избѣгая всякой принудительности и обученія чему бы то ни было другому, кромѣ какъ стремленію къ знанію и способности получать таковое собственными силами. Нужно обладать качествами Радовица, или уклоняться отъ помощи ученикамъ и дѣлать самолично то, что Радовицъ дѣлалъ одинъ, безъ всякой помощи и указаній. Таково, Государь, содержаніе моей теперешней жизни. Я хотѣлъ бы немного заниматься поэзіей, но только такой, которая соотвѣтствовала бы лежащимъ на моихъ плечахъ шестидесяти восьми годамъ. Не знаю только, дастъ ли моя азбука мнѣ возможность вернуться къ моему старому другу Гомеру.

Простите, Государь, мою болтовню. Ее вызвало столь милостивое письмо Вашего Величества. Я откладываю перо, повергая къ стопамъ Вашимъ мою глубокую благодарность за обильныя проявленія Вашей ко мнѣ доброжелательности. Я завѣряю Васъ, что каждое утро и каждый вечеръ Ваше имя звучитъ въ моихъ молитвахъ къ Господу.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ Вашего Королевскаго Величества покорнѣйшій слуга.

11 февраля 1851 г.
Баденъ-Баденъ.

Жуковскій.

№ 18.

Примѣчанія.

1. Павелъ Васильевичъ и Александра Васильевна, впослѣдствіи баронесса Вёрманъ. (1842 — 1899 г.г.).

2. Къ музыкѣ, написанной Львовымъ.

3. Къ ихъ воспитанію и образованію онъ примѣнилъ весь свой предыдущій педагогическій опытъ, дополненный цѣлымъ рядомъ положеній, созданныхъ имъ на основаніи запросовъ его учениковъ.

№ 19.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

1 Декабря 1851.
Баденъ-Баденъ.

Sire.

Monsieur de Sydow vient de me remettre de la part de Votre Majesté Royale les plans de Bornstadt; je m'empresse de déposer à Vos pieds les expressions de ma profonde reconnaissance pour cette nouvelle marque de la gracieuse bonté, que Vous daignez avoir pour moi. Tout ce qui vient de Vous à ceux que Vous avez daigné reconnaître pour Votres par l'attachement qu'ils Vous portent, a le caractère d'une simplicité et d'une franchise

inexprimables, je dirais d'une bonté enfantine, qui attendrit et attire les cœurs vers Vous de plus en plus intimement.

Votre apparition, Sire, sous mon toit domestique a laissé un profond souvenir dans ma famille, surtout mes enfants se souviendront d'avoir senti se poser sur leur tête Votre main bénissante. Cette bénédiction leur portera bonheur — j'entend par bonheur non les richesses matérielles de la vie, mais l'acquisition et la conservation de ce trézor, que le voleur ne peut enlever ni le vers ne peut ronger.

Je dois finir: mon oeil malade, qui s'opiniâtre â me paraliser, m'empêche de continuer. Je presse à mon cœur la main chérie de Votre Majesté, en priant Dieu de Vous bénir de toutes ses bénédictions.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Royale le très humble serviteur

JOUKOVSKY.

1 Décembre 1851.
Bade-Bade.

№ 19.

Переводъ.

Государь.

Г. Сидовъ доставилъ мнѣ отъ имени Вашего Королевскаго Величества наброски Борнштедта. Спѣшу повергнуть къ стопамъ Вашимъ мою глубокую благодарность за новое милостивое проявленіе Вашего добраго ко мнѣ отношенія. Все то, что исходитъ отъ Васъ по отношенію къ тѣмъ, кого Вы удостаиваете считать своими по привязанности, которую они къ Вамъ чувствуютъ, носитъ характеръ невыразимой простоты, я бы сказалъ — дѣтской доброты; она все болѣе и болѣе привлекаетъ къ Вамъ сердца.

Ваше появленіе, Государь, подъ моей семейной кровлей оставило трогательное воспоминаніе среди моихъ домашнихъ, особенно дѣти почувствовали на своей головѣ благословляющую Вашу руку. Это благословеніе принесетъ имъ счастье. Я разумѣю не блага матеріальныя, но пріобрѣтеніе и сохраненіе того сокровища, котораго ни тать не похититъ, ни червь не подточитъ.

Надо кончать. Мой больной глазъ упорно мѣшаетъ мнѣ продолжать. Отъ всего сердца жму дорогую руку Вашего Величества, моля Бога, да благословитъ онъ Васъ всѣми своими благословеніями.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, Государь, Вашего Королевскаго Величества покорнѣйшій слуга.

Жуковскій.

1 декабря 1851 г.
Баденъ-Баденъ.

1852 годъ.

№ 20.

В. А. Жуковскій — Фридриху-Вильгельму IV.

1/13 Февраля 1852.
Баденъ-Баденъ.

Sire.

Votre Majesté me comble de bontés et je ne trouve pas de paroles pour exprimer à Elle ma profonde reconnaissance. Le beau cadeau, par lequel

Votre Majesté a bien voulu réjouir le 69-me anniversaire de ma naissance, a donné à ma fête de famille un caractère solenel et vous a rendu présent dans mon cercle domestique et nous avons en chœur crié „Vivat" à notre bien aimé Roi devant l'image de Frédéric le Grand. Tous les miens avec moi: ma femme, mon beau père Reutern, venu de Francfort pour fêter avec moi mon arrivée jusqu'à la fin de la septième dixaine de mes années, et mes enfants, bénis par vous, nous mettons ensemble aux pieds de Votre Majesté nos hommages reconnaissants et nous prions Dieu de repandre sur votre tête toutes Ses bénédictions.

Daignez, Sire, me pardonner mon griffonage en crayon; j'écris les yeux fermés, me servant d'une machine inventée par moi même pour le cas d'une cécité complette, j'espère toutefois que ce malheur ne m'arrivera point: en attendant j'utilise mon invention: voilà déjà plus de sept mois, que la maladie paralise ma vie avec mon œil et je n'en vois pas encore le terme.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté le très humble serviteur

JOUKOVSKY.

1/13 Février 1852.
Bade-Bade.

№ 20.

Переводъ.

Государь.

Не нахожу словъ для выраженія своей глубокой благодарности за милости, которыми Ваше Величество осыпаете меня. Прекрасный подарокъ, которымъ Ваше Величество пожелали обрадовать меня въ день моего рожденія, придалъ моему семейному празднику торжественный характеръ, давъ почувствовать среди насъ Ваше присутствіе. Единогласно мы провозгласили „vivat" въ честь нашего горячо любимаго короля, предъ портретомъ Фридриха Великаго. Всѣ мы — я, жена, тесть мой Рейтернъ, пріѣхавшій изъ Франкфурта праздновать окончаніе седьмого десятка моихъ лѣтъ, дѣти, Вами благословленные — повергаемъ къ стопамъ Вашего Величества нашу признательность и молимъ Бога ниспослать на Васъ всѣ Свои благословенія.

Простите, Государь, за мои карандашныя каракульки: я пишу съ закрытыми глазами, пользуясь придуманнымъ мною на случай полной слѣпоты приборомъ. Я надѣюсь все же, что это несчастье не постигнетъ меня. Поджидая его, я пустилъ въ ходъ свое изобрѣтеніе. Вотъ уже болѣе семи мѣсяцевъ, какъ моя болѣзнь, вмѣстѣ съ зрѣніемъ, парализуютъ мою жизнь и я не вижу еще ей конца.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, Государь, Вашего Королевскаго Величества покорнѣйшій слуга.

Жуковскій.

1/13 февраля 1852 г.
Баденъ-Баденъ.

ПЕРЕЧЕНЬ

ИЗВѢСТНЫХЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА ЖУКОВСКАГО СЪ КОРОЛЕМЪ ПРУССКИМЪ ФРИДРИХОМЪ-ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ IV.

№.	Годъ.	Число.	Мѣсто отправленія.	На какомъ языкѣ.	Кто кому писалъ.				Стр.
					№№ писемъ Жук—го.		№№ писемъ Фр.-В. IV.		
1	1822	4-10 іюля.	Павловскъ.	Французское	1	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	142
2	1840	14 іюня.	Дюссельдорфъ.	Французское	2	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	145
3	1840	іюля.	Санъ-Суси.	Французское	—	Фр.-В. IV.	1	Жук-му.	150
4	1840	25 іюля.	Санъ-Суси.	Французское	—	Фр.-В. IV.	2	Жук-му.	151
5	1840	18-30 ноября.	С.-Петербургъ.	Французское	3	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	152
6	1843	15 іюня.	Эмсъ.	Французское	4	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	159
7	1846	30 іюня.	Франкф.-на-М.	Французское	5	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	161
8	1846	3 іюля.	Франкф.-на-М.	Французское	6	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	165
9	1846	18 ноября.	Санъ-Суси.	Нѣмецкое	—	Фр.-В. IV.	3	Жук-му.	167
10	1846	25 ноября.	Франкф.-на-М.	Французское	7	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	168
11	1848	7 іюня.	Эмсъ.	Французское	8	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	169
12	1848	18 сентября.	Санъ-Суси.	Французское	—	Фр.-В. IV.	4	Жук-му.	179
13	1848	25 октября.	Бад.-Баденъ.	Французское	9	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	181
14	1850	14-26 іюня.	Бад..Баденъ.	Французское	10	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	183
15	1850	11 сентября.	Берлинъ.	Нѣмецкое	—	Сидовъ	—	Жук-му.	186
16	1850	21 декабря.	Потсдамъ.	Французское	—	Фр.-В. IV.	5	Жук-му.	187
17	1851	27 января.	Шарлоттенбургъ.	Французское	—	Фр.-В. IV.	6	Жук-му.	190
18	1851	11 февраля.	Бад.-Баденъ.	Французское	11	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	191
19	1851	1 декабря.	Бад.-Баденъ.	Французское	12	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	196
20	1852	1-13 февраля.	Бад.-Баденъ.	Французское	13	Жук-ій.	—	Фр.-В. IV.	197

30-v

РЭ
Ф-162

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Русскій Библіофилъ», ноябрь-декабрь 1912 г.

Отпечатано въ типографіи «Сиріусъ» Спб., Рыночная, 10.